

ФЕДОР ТОРНАУ

ВОСПОМИНАНИЯ
КАВКАЗСКОГО
ОФИЦЕРА

ФЕДОР ТОРНАУ

ВОСПОМИНАНИЯ
КАВКАЗСКОГО
ОФИЦЕРА

Барон Федор Федорович Торнау (1810—1890) — один из замечательных офицеров русской армии, внесших в изучение Кавказа вклад не меньший, чем ученые. Он родился в 1810 году в Полоцке, получил образование в благородном пансионе при Царскосельском лицее. В 1828 году начал военную службу в чине прапорщика. Пройдя героическую военную школу в турецкой (1828—1829 годов) и польской (1831 года) кампаниях, после недолгой службы в петербургской канцелярии Главного штаба добровольно отпросился на Кавказ, предпочитая «труды боевой жизни парадной службе и блеску паркетных удач».

Далее — двенадцатилетняя служба на Кавказе. Действуя в распоряжении командующего Кавказской линией А. А. Вельяминова, Торнау отличился стойкостью и выносливостью в бою, четкостью в выполнении сложных поручений, трезвой оценкой событий, способностью принимать решение в неординарных ситуациях. А. А. Вельяминов высоко оценил достоинства молодого офицера и желал видеть его в своем ближайшем окружении.

Но судьба распорядилась иначе. В сентябре 1832 года Торнау был тяжело ранен, долго лечился и вернулся на службу только осенью 1834 года, когда кавказское командование разрабатывало план сухопутного сообщения вдоль восточного берега Черного моря. Ему поручают сложную задачу — «скрытый обзор берегового пространства на север от Гагр». Тайные цели рекогносцировки требовали надежных проводников и особой маскировки. Федору Федоровичу приходилось выдавать себя за горца. Во время своей первой экспедиции в июле 1835 года ему удалось проникнуть в самые труднодоступные районы Западного Кавказа.

В начале сентября того же года Торнау в сопровождении ногайских князей Карамурзиных отправился во вторую экспедицию, длившуюся полтора месяца, и помимо стратегического материала собрал богатый этнографический материал. Его описание, убыхов, садзы-джигетов и некоторых других народов, полностью исчезнувших с карты Кавказа в 60-х годах

XIX века в ходе махаджирского движения (переселения в Турцию и страны Ближнего Востока), и по сей день остаются едва ли не единственным источником по изучению их культуры.

Через год — новое поручение: «тайное обозрение морского побережья от р. Сочи до Геленджика». Однако начальство вместо верных и испытанных проводников, выбранных Торнау, навязало ему ненадежных попутчиков, которые продали его в плен кабардинцам. Горцы потребовали баснословный выкуп — пять четвериков серебра или столько золота, сколько потянет пленный. Переговоры длились два года, ибо Федор Федорович решительно отказался от условий выкупа подтвердив свою репутацию «идейного разведчика», готового «жертвовать собой для государственной пользы». Наконец в ноябре 1838 года ногайскому князю Тембулату Карамурзину удалось похитить пленника.

«Воспоминания кавказского офицера», где рассказывается обо всех этих событиях, Торнау окончательно завершил лишь в 1864 году в Вене, где служил в должности русского военного агента. Книга была вскоре опубликована и больше не переиздавалась, став библиографической редкостью. Новое издание «Воспоминаний» в серии «Раритеты отечественной литературы» готовит Самарский областной фонд независимых литературных исследований.

С. МАКАРОВА,

I

При заключении Адрианопольского трактата, в 1829 году, Порта отказалась в пользу России от всего восточного берега Черного моря и уступила ей черкесские земли, лежащие между Кубанью и морским берегом, вплоть до границы Абхазии, отделившейся от Турции еще лет двадцать тому назад. Эта уступка имела значение на одной бумаге — на деле Россия могла завладеть уступленным ей пространством не иначе как силой. Кавказские племена, которые султан считал своими подданными, никогда ему не повиновались. Они признавали его, как наследника Магомета и падишаха всех мусульман, своим духовным главой, но не платили податей и не ставили солдат. Турок, занимавших несколько крепостей на морском берегу, горцы терпели у себя по праву единоверия, но не допускали их вмешиваться в свои внутренние дела и дрались с ними, или, лучше сказать, били их без пощады при всяком подобном вмешательстве. Уступка, сделанная султаном, горцам казалась совершенно непонятной. Не углубляясь в исследование политических начал, на которых султан основывал свои права, горцы говорили: «Мы и наши предки были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, потому что его не слушали и ничего ему не платили, и никому другому не хотим принадлежать. Султан нами не владел и поэтому не мог нас уступить». Десять лет спустя, когда черкесы уже имели случай коротко познакомиться с русской силой, они все-таки не изменили своих понятий. Генерал Раевский, командовавший в то время черноморскою береговою линией, пытаясь объяснить им право, по которому Россия требовала от них повиновения, сказал однажды шапсугским старшинам, приехавшим спросить его, по какому поводу идет он на них войной: «Султан отдал вас в пеш-

кеш, — подарил вас русскому царю». «А! Теперь понимаю, — отвечал шапсуг и показал ему птичку, сидевшую на ближнем дереве. — Генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее!» Этим кончились переговоры. Очевидно было, что при таком стремлении к независимости одна сила могла переломить упорство черкесов. Война сделалась неизбежною. Оставалось только сообразить необходимые для того средства и отыскать лучший путь к покорению горцев, занимавших новоприобретенную часть Кавказа.

Для того чтобы получить понятие о нашем положении на восточном берегу Черного моря в 1835 году, когда судьба забросила меня в Абхазию, необходимо познакомиться с обстоятельствами, сопровождавшими первое появление здесь русских войск.

Абхазия пребывала под властью турок почти два столетия. В 1771 году абхазцы восстали против турок и принудили их оставить Сухум. Начались длительные междоусобные войны, в течение которых Порты неоднократно получала власть над Абхазией и вновь теряла. Наконец, в 1808 году Сефер-бей принял христианскую веру и отдал Абхазию под покровительство России, поставленной в необходимость воспользоваться его предложением. От занятия нашими войсками Абхазии и от учреждения в ней некоторого порядка зависело спокойствие Мингрелии, признавшей над собою, подобно Грузии, власть России. Кроме того, Сухум, пользующийся единственным удобным рейдом на всем восточном берегу Черного моря, от Батума до Геленджика, обещал доставить нам военные и торговые выгоды, которыми нельзя было пренебрегать, думая о будущем вновь приобретенных закавказских провинций. По этому поводу и согласно с желанием самого владельца русские войска вступили в 1810 году в Абхазию, вытеснили турок из Сухума и поместили в нем небольшой гарнизон. Это обстоятельство несколько не изменило существовавшего в Абхазии порядка дела. Владелец по-прежнему оставался полным властелином своего народа. Не думая о новых завоеваниях, русское правительство не увеличивало в Абхазии войск, продолжавших занимать одну сухум-

скую крепость; не мешалось во внутреннее управление княжества и заботилось только об уничтожении влияния турок на народ, обнаруживавший склонность, по примеру владельца, возвратиться к христианской вере, которую исповедовали его предки. Турки, бежавшие из Сухума, рассыпались между тем по всей Абхазии и с ожесточением возбуждали народ против русских.

В 1830 году, когда весь восточный берег Черного моря перешел во владение России, отряд из десяти рот 44-го егерского полка, восьми орудий и небольшой команды казаков прибыл морем в Абхазию и занял Бомборы, Пицунду и Гагры. Первые два пункта, находящиеся в пределах Абхазии, были заняты без выстрела, невзирая на старание абхазских дворян возбудить народ к сопротивлению и, по примеру прежних восстаний, призвать на помощь убыхов и шапсугов.

Гагры, лежащие за Бзыбом, у подножия высокого, скалистого хребта, примыкающего к самому морю, достались нам не без боя. Садзы, убыхи и шапсуги, собравшись в значительных силах, противились высадке и после того несколько раз пытались овладеть новым укреплением открытою силой. Потеряв много людей в своих неудачных нападениях, они переменили образ действий и принялись тревожить наши войска, не давая им отдыха ни днем ни ночью, нападая на небольшие команды, высылавшиеся за дровами и за фуражом, подстерегая с высоты гор людей, выходящих за стены укрепления, и посылая в них свои меткие выстрелы. Существование гагринского гарнизона сделалось положительно нестерпимым.

Год спустя русский отряд под начальством генерала Берхмана, состоявший из двух пехотных полков, в числе пяти тысяч человек, овладел Геленджиком, невзирая на упорное сопротивление натухайцев и шапсугов.

До занятия Гагр и Геленджика мы не имели точного понятия об ожидавшем нас сопротивлении, о дурном климате и о других затруднениях, с которыми приходилось бороться нашим войскам на черкес-

ском берегу. Опыт, которым мы обогатились в этих случаях, заставил приостановить дальнейшие действия на берегу Черного моря. Многочисленный и хорошо вооруженный неприятель, встретивший наши войска с отчаянной храбростью, требовал для отражения его численных сил, какими мы не могли располагать в то время на Кавказе. Кази-Мегмет, первый распространитель мюридизма между горцами, поднял против нас Чечню и весь Дагестан, разграбил пограничные города Кизляр и Моздок и в последнее время стал угрожать Военно-Грузинской дороге, нашему ближайшему, если не единственному сообщению с закавказскими провинциями. Сперва надо было усмирить левый фланг кавказской линии, куда и были направлены все свободные войска, а потом уже думать о новых завоеваниях.

Военные действия тридцать второго года в Чечне и в Дагестане доставили нам полный успех. Главнокомандующий кавказским корпусом, барон Розен, поднялся с небольшим отрядом на гору Галгай, близ Военно-Грузинской дороги, считавшуюся у горцев совершенно неприступною для наших войск, и покорил снова кистинские общества, увлеченные Кази-Мегметом в общее восстание. После того наши войска, под личным начальством барона Розена и Вельяминова, прошли по всей Чечне, разбивая неприятеля везде где он только показывался; проникли через Ичкеринский лес в Беной и Дарго, уничтожили эти два селения и поздней осенью спустились наконец в глубокое ущелье реки Койсу, для того чтобы последним, решительным ударом поразить восстание в его корне. Гимры, в которых Кази-Мегмет родился и постоянно жил, были взяты приступом, и он сам убит. Громкие удачи наших войск, и в особенности смерть имама, главы мюридов, сильно поразившая умы горцев, погнали Чечню и дагестанцев покориться безусловно русской воле. Левый фланг кавказской линии казался усмирённым на долгое время; после этого можно было перенести снова военные действия в западную часть Кавказа и заняться предпочтительно устройством береговой линии.

Полагая, что горцы не в силах долго обороняться собственными средствами, без помощи турок, доставлявших им товары, соль и разные военные припасы в обмен на женщин и на мальчиков, все наше внимание обратилось на прекращение турецкой торговли с черкесами. Для этой цели уже в 1830 году черкесский берег был объявлен в блокадном положении, и для наблюдения за ним учреждено постоянное крейсерство. Невзирая на эту меру, турецкие купцы продолжали сообщаться с черкесами. Малый успех морской блокады привел к заключению, что сообщение турок с черкесским берегом прекратится только в том случае, когда все пункты, которые они привыкли посещать, будут заняты русскими укреплениями. Одно из главных затруднений для учреждения береговой линии заключалось тогда в недостатке точных сведений о местности, о количестве неприятеля и о средствах, которыми он располагал для своей обороны. По мнению Вельяминова, для основательного усмирения горцев следовало остерегаться более всего опрометчивости, подвигаться в горах шаг за шагом, не оставляя за собою непокоренного пространства, и заботиться о достижении положительных результатов на будущее время, а не мгновенных блестящих успехов, которые уже не раз влекли за собою целый ряд неожиданных неудач.

Но в 1834 году последовало приказание немедленно положить первое начало устройству береговой линии, открыв военные действия против черкесов с Кубани и с южной стороны гор, из Абхазии; а для пополнения сведений о берегу между Гаграми и Геленджиком предписано было произвести усиленные десантные рекогносцировки.

Покоряясь высшей воле, Вельяминов двинулся весной тридцать четвертого года за Кубань из Ольгинского редута с целью открыть сообщение с Суджукской бухтой. Постройка Абиньского укрепления заняла все лето. В Абхазию был послан в том же году под командою генерал-майора Н. отряд, состоявший

из нескольких батальонов, для разработки дорог и для постройки укреплений, необходимых для защиты сообщения. Жители не обнаруживали никакого сопротивления; зато наш отряд нашел столько препятствий собственно в абхазской природе, что Н. не надеялся проложить дороги от Дранд до Бзыба прежде осени другого года, считая притом совершенно невозможным продолжать сухим путем движение за Гагры, по причине скал, преграждавших береговую дорогу около этого места. Это обстоятельство еще более затрудняло вопрос о пути, который следовало избрать для устройства береговой линии, и побудило военное министерство повторить требование относительно усиленных рекогносцировок, произвести которые давно уже было предписано.

Но как барон Розен, так и Вельяминов в одинаковой мере желали избежать необходимости употребить в дело этот способ, который, по мнению их, не мог принести ожидаемой от него пользы. Для производства десантных рекогносцировок в разных пунктах, на протяжении сорока географических миль совершенно нам незнакомаго, гористого берега, покрытого сплошным лесом, представлявшим для неприятеля отличную оборону, требовалось употребить несколько тысяч человек и около двадцати военных и транспортных судов. Жертвы людьми и деньгами, которые правительство должно было понести в этом случае, далеко превышали выгоды, какие могли принести рекогносцировки. Места пришлось бы занимать наудачу, платя жизнью десятков солдат за каждый клочок земли, не превышающий пространства, находящегося под огнем нашей артиллерии. Самые важные сведения о дорогах внутри гор, о количестве народонаселения, о его средствах к жизни и к войне оставались совершенно недоступными для войск.

Оставалось одно средство заменить полезным образом малообещающие рекогносцировки: поручить достаточно сведущему офицеру осмотреть тайным образом морской берег. Благодаря расположению памятного всем старым кавказцам генерала Вальховского,

выбор пал на меня. На Кавказе находился с начала тридцать второго года, участвовал прежде того в задунайской кампании против турок и в польской войне. Получив довольно значительную рану во время ичкеринской экспедиции тридцать второго года, я был долго болен и через год еще принужден был провести лето на кавказских минеральных водах для укрепления моих сил. Когда я вернулся в Тифлис, Вальховский встретил меня с предложением отказаться на долгое время от общества и от всех его удовольствий, преобразоваться с виду в черкеса, поселиться в горах и посвятить себя сообщению сведений, добыть которые предполагалось такою дорогою ценой: он не скрыл от меня опасностей, с которыми я должен был бороться; да и я сам понимал их очень хорошо. Так как возлагаемое на меня дело выходило из круга обыкновенных поручений, то нельзя было требовать от меня его исполнения служебным порядком, без моего добровольного согласия. Поэтому главнокомандующий поручил генералу Вальховскому убедить меня ехать в горы, предоставив мне самому назначить условия, на которых я считал для себя выгодным оказать требуемую от меня услугу. Готовый жертвовать собою безусловно для государственной пользы, но отнюдь не располагая торговать своею жизнью и свободой, я отвергнул условия, которые могли касаться до моих личных выгод, и настоял только на доставлении мне всех тех преимуществ, от которых зависела, по моему убеждению, удача предприятия. Барон Розен согласился предоставить мне право располагать свободно собою и своим временем, вступать в сношения с покорными и непокорными горцами, не стесняясь существующими правилами, и, в указанных мне границах, обещать им нагарды или прощение за различные преступления, если кто из них станет мне помогать в моих делах. Обеспеченный таким образом против постороннего вмешательства местных кавказских властей, я принялся с охотою и с уверенностью в успехе за мое поручение.

II

Не стану описывать подробно моего путешествия от Тифлиса до границ Абхазии; оно было весьма незанимательно. Зимнее время скрывало от меня живописную сторону богатой имеретинской и мингрельской природы. Плохие дороги, дурные ночлеги, холод, грязь и снег попеременно преследовали меня от начала до конца путешествия. До Сурама я ехал на русских почтовых телегах; всем известно, как они покойны. Через Сурамские горы и далее приходилось ехать верхом, на казачьих переменных лошадях. В Кутаисе я остановился на несколько дней, чтобы явиться к управляющему Имеретией, начальнику абхазского действующего отряда, знавшему только о моем гласном назначении находиться при войсках в Абхазии, так как в Тифлисе признано было необходимым никому не поверять тайны моего настоящего поручения, для того чтобы предохранить меня от последствий всякой неумышленной нескромности. Далее я продолжал свой путь без отдыха.

От самого Кутаиса я не пользовался другим помещением, кроме плетневых хижин, ночуя в них, по кавказскому обыкновению, на земле, окутанный в бурку вместо постели и одеяла; поэтому я немало обрадовался, услышав шум моря, означавший близость Редут-Кале, в котором я ожидал найти некоторое вознаграждение за испытанные мною лишения. Когда мы подъехали к Редуту, совершенно смеркалось, и только эта темнота помешала моему преждевременному разочарованию. Редут-Кале — земляное укрепление, построенное на берегу моря, около устья реки Хопи, среди непроходимых болот, — был в то время забытый уголок, в котором прозябали изнуренные лихорадками несколько солдат, офицеров и карантинных и таможенных чиновников. Внутри укрепления, установленного небольшим числом деревянных строений, на всем лежала печать скуки, тоски, ветхости и бедности.

На следующее утро я поспешил в Бамборы, где должен был найти генерала Пацовского, командовав-

шего, за отсутствием Н., всеми войсками в Абхазии. Он был единственный человек, имевший возможность помочь мне в моем предприятии делом и советом, зная край и пользуясь хорошим влиянием на абхазцев.

В первый день моего отъезда из Редут-Кале я добрался с большим трудом, поздно ночью, до первого поста, сделав не более двадцати верст. На другой день я переехал в Илори, на границу Абхазии, где в прошедшем году наши войска построили укрепление на берегу Гализги. Настоящая граница Абхазии начиналась на правом берегу Ингура. Гализга служила прежде только для разделения двух абхазских округов — Самурзаканского и Абживского. По причинам, которых я не мог никогда понять ясным образом, Самурзаканский округ был причислен нами к владениям князя мингрельского, и абхазская граница отодвинута с Ингура к Гализге. Последствием этого отчисления было то, по крайней мере в мое время, что самурзаканцы, избавленные от послушания своему князю, отказывались также повиноваться и новому владельцу; а независимое направление своего образа мыслей принимались обнаруживать воровством и разбоями.

Трудно было понять, для какой надобности редут был построен в Илори. Человек полтораста солдат, помещенных в редуте, ни в каком случае не были в силах ни предупредить, ни остановить беспорядков, если бы они возникли между жителями.

Для надзора за переправою через Гализгу и для перемены лошадей достаточно было бы иметь здесь казачий пост, усиленный десятками двумя пехотных солдат. К нашему несчастью, в то время на Кавказе делалось множество подобных ошибок. Беспреданно занимали места без всякой надобности, строили укрепления, не приспособленные к местности, ни к роду войны, помещали в них гарнизоны, слишком слабые для того, чтобы держать в страхе жителей, раздробляли таким образом свои силы, войска подвергали без всякой пользы болезням и всевозможным лишениям, а горцам доставляли этими фальшивыми мерами только случай обкрадывать и убивать русских солдат. Причина этому заключалась в невозможности

главным начальникам все видеть своими глазами и обсудить собственным умом и в неспособности и неопытности частных командиров, особенно таких, которые, прибыв из России, получали, по своему чину или по какому-нибудь другому поводу, отдельные начальства и, не слушая старых кавказских служивых, принимались распоряжаться в горах или посреди абхазских и мингрельских болот по правилам воинского устава и школьной фортификации того времени.

От Илори до Дранд считали сорок верст, которые я проехал в один день, потому что на этом пространстве встречалось меньше леса, следовательно, и дорога была получше.

Драндская древняя церковь, построенная, как должно полагать, в середине шестого века, в одно время с Пицундским монастырем, лежит в пяти верстах от морского берега, на возвышении, образующем открытую площадь, окруженную лесом со всех сторон.

Выбор этого места под укрепление был весьма удачен, жаль только, что при этом коснулись церкви, заняв ее офицерскими квартирами и складом провианта. В полухристианской, полумагометанской Абхазии следовало беречь подобного рода памятники христианской старины, к которым сами абхазцы-мусульмане питали неизъяснимое чувство благоговения, основанное на темных преданиях о святыне, осенявшей веру их праотцов. В военном отношении этот пункт представлял весьма ощутимые выгоды: давал твердый базис для действий против Цебельды, занимавшей неприступные ущелья по верховьям Кодора, и представлял, по причине здорового климата и хорошей воды, все условия, необходимые для сбережения войск. Приятно было видеть свежие и веселые лица солдат, ясно свидетельствовавшие в пользу драндской стоянки. Число больных в батальоне Грузинского гренадерского полка, зимовавшего в Драндах, не превышало обыкновенно двенадцати человек из семисот. Это был замечательный факт между кавказскими войсками, которые обыкновенно страдали и гибли несравненно более от болезней, чем от неприятельского оружия.

От Дранд дорога спускалась к берегу через густой лес и, поворотив направо, вела потом до Сухума над самым морем, по глубокому береговому песку.

Не доезжая пяти верст до крепости, лежало на пути абхазское селение Келассури, в котором жил Гассан-Бей, дядя владельца. Его рубленый деревянный дом, имевший вид широкой четвероугольной башни, стоял на высоких каменных столбах. Крытая галерея, обхватывавшая весь дом, на которую вела узкая и чрезвычайно крутая лестница, облегчала его оборону. Двор был окружен высоким палисадом с бойницами, в котором открывалась тесная калитка, способная только пропустить одного человека или одну лошадь. Довольно было взглянуть на постройку дома, на окружавший его палисад, на эту маленькую, плотно затворенную калитку, чтобы понять всегдашнее состояние опасения, в котором Гассан-бей проводил свою жизнь. Тревожное положение Абхазии вообще, личная вражда, какую он успел возбудить во многих, и несколько покушений на его жизнь, от которых он спасался почти чудом, заставляли Гассан-бея не пренебрегать никакими мерами осторожности.

Против его дома, над самым морем, находился длинный ряд деревянных лавок, принадлежавших туркам, перешедшем из Сухума в Келассури, когда крепость досталась русским. На пороге лавок сидели, по своему всегдашнему обыкновению, турецкие купцы и курили из длинных чубуков с видом глубочайшего спокойствия. Но равнодушие их было очень обманчиво. С одной стороны, они наблюдали за дорогой, пристально разглядывая проезжающих, а с другой — не упускали из виду нашей военной эскадры, стоявшей на сухумском рейде. Турки откровенно нас ненавидели — это в порядке вещей. Прежде они первенствовали в Абхазии и пользовались самою прибыльною торговлей с черкесами и с абхазцами, от которой купец обогащался в три или четыре рейса; теперь мы их вытеснили из этого выгодного положения и старались, кроме того, совершенно уничтожить их торговлю, захватывая и обращая в призы суда, нагруженные военными припасами и черкешенками. Гассан-бей, управ-

дьявший Сухумским округом на правах удельного князя, считался не без причины самым закоренелым покровителем турок, проживавших в Абхазии, и этого нельзя было ставить ему в вину. Религия, привычки молодости склоняли его на сторону турок, и, кроме того, он находил постоянный источник доходов в своем келассурском базаре. Турецкие купцы платили ему значительную пошлину за право торговли и сверх того доставляли ему все редкие товары, которых нельзя было найти в целой Абхазии.

Прибыв с намерением отыскать в Абхазии средство проехать за Гагры, к неприязненным черкесам, я не мог долго оставаться на одном месте; я должен был, делая беспрестанные поездки, знакомиться с краем и с людьми, от которых, по моему расчету, можно было ожидать помощи для моего предприятия. Мне казалось, что лучше всего начать дело с умного и хитрого Гассан-бея, тайного противника русских, имевшего большой вес у абхазцев, недовольных существовавшим порядком вещей. Не рассчитывая даже на его содействие, все-таки было лучше иметь его приятелем, чем врагом; его вражда была бы вдвойне для меня опасна по причине связей, которые он имел в горах. К счастью, предлог для моих будущих странствований по Абхазии был у меня приготовлен, и не только должен был успокоить любопытство Гассан-бея, но даже заинтересовать его самого, касаясь несколько его личных расчетов. Он заключался в цебельдинском деле, о котором мне было поручено собирать при случае самые точные сведения. Упоминая об этом деле, я считаю необходимым объяснить: что такое была в то время Цебельда и в чем состоял, говоря дипломатическим языком нашего времени, цебельдинский вопрос, очень простой для горцев, но чрезвычайно запутанный для нас.

Абхазия, подчинившаяся России в лице своего владетеля, занимала морской берег от Ингура до Бзыба и делилась на четыре округа: Самурзаканский, Абживский, Сухумский и Бзыбский. Самурзаканский округ, как я прежде упомянул, был нами отчислен к Мингрелии. Кроме того, находилось в горах, между источ-

никами Бзыба и Кодора, независимое общество, составленное из абхазских выходцев, именуемое Цебель и долженствовавшее, по своему географическому положению между снеговым хребтом и абхазским прибрежьем, составить пятый округ Абхазии, но которое всегда отказывалось повиноваться владетелю, находя в неприступности занимаемого им местоположения достаточную защиту от его притязаний.

Малочисленная Цебельда, состоявшая, по нашим тогдашним сведениям, не более как из восьми сот или тысячи семейств, служила неприятною помехой для наших дел в Абхазии. Для усмирения ее силою надо было пожертвовать временем и частью войск, которые казалось, полезнее было употребить на работы, имевшие предметом скорейшее устройство береговой линии, обещавшей, как тогда полагали, отнять у горцев все способы сопротивления. В то время мингрельский владетель Дадиан предложил свои услуги, обещая мирным путем склонить цебельдинцев жить покойно и даже подчинить себя русской власти, если их навсегда избавить от покушений абхазского владетеля на их независимость. Предложение его было принято с большим удовольствием. Дадиан не имел никакого значения у цебельдинцев и мог на них действовать только через Гассан-бея, которого сестра была замужем за Хенкурусом Маршанием, одним из цебельдинских князей. Оба они сошлись в этом деле, ненавидя в равной степени Михаила, владетеля Абхазии, и имея в виду выслужиться за его счет перед русским правительством и сделать ему чувствительную неприятность, уничтожив окончательно его влияние на цебельдинцев. Между тем и Михаил принял косвенное участие в этом деле, противясь, сколько было возможно, проискам Дадиана и Гассан-бея совершенно отвлечь от него Цебельду. Как владетель, он был прав, действуя в пользу своей власти, которая одна могла послужить к сохранению в Абхазии чего-то похожего на гражданский порядок. Мы, русские, не имели в ней тогда никакого нравственного значения и могли опираться на одну только силу. Да и в цебельдинском деле он имел возможность более способствовать нашим выго-

дам, чем его два соперника. Особое расположение к Дадиану мингрельскому и какое-то бессознательное предубеждение против Михаила не позволяли нам ясно видеть истинное положение дел. Из всех этих противоположных интересов сплелась, как водится у горцев, непроницаемая сеть самых хитрых интриг, в которой русские власти запутались наконец, ничего не понимая. Я не имел самонадеянной мысли распутать эту сложную, хитро связанную интригу; но находил весьма удобным воспользоваться ею для моей собственной цели.

Подъехав к дому, я остановился и, не называя себя, послал узнать, желает ли Гассан-бей видеть у себя проезжего. Это одна из выгодных сторон кавказского гостеприимства. Чужого человека принимают, не спрашивая, кто он, откуда и куда едет, пока он сам не сочтет необходимым объявить об этом, иногда только одному хозяину, имея причины скрыть свое имя и свои дела от посторонних людей. Пока обо мне докладывали, прошло хороших полчаса. В это время рассматривали из дому меня и моих конвойных с большим вниманием. Беспреданно показывались у бойниц разные лица, вглядывались в меня очень пристально и потом исчезали. Наконец калитка отворилась, и Гассан-бей вышел ко мне навстречу, имея за собой несколько абхазцев с ружьями в руках. Я увидел в нем плотного человека, небольшого роста, одетого в богатую черкеску, с высокою турецкою чалмой на голове, вооруженного двумя длинными пистолетами в серебряной оправе; один из них он держал в руке готовый для выстрела. Кто только знал Гассан-бея, не помнит его без этих пистолетов, спасавших его раза два от смерти и из которых он стрелял почти без промаха. Оставив лошадь, я подошел к нему с просьбою дозволить мне назвать себя и объясниться во всем, когда мы будем наедине. Гассан-бей молча ввел меня в комнату, усадил на низком диване против себя, потребовал кофе и чубук, как следовало по турецкому обыкновению, и выслал прислугу. Я назвал себя, сказал о моем назначении состоять при войсках и о причине, побудившей меня одеться по

черкесски; имея, прибавил я, поручение изучить цебельдинское дело, что требовало от меня беспреданных поездок по Абхазии, я счел благоразумным не обращать на себя внимание народа. Моя откровенность до того понравилась Гассан-бею, что мы через полчаса сделались совершенными друзьями и поверяли друг другу свои самые сокровенные мысли, — разумеется, не теряя должной осторожности. Он не только согласился со мною, по крайней мере на словах, во всем, что я говорил насчет сильно интересовавших его абхазских и цебельдинских дел, и похвалил мое намерение под черкесскою одеждой остаться для народа неизвестным лицом, но снабдил меня, сверх того, множеством весьма основательных советов, касавшихся моей личной безопасности. После многоблюдного турецкого обеда, приправленного красным перцем до такой степени, что я опалил себе горло и нёбо как огнем, Гассан-бей проводил меня до Сухума с довольно пестрою толпой своих конных телохранителей. В крепость он не заехал, имея от нее непреодолимое отвращение с того времени, когда его схватили в ней неожиданно перед отправлением в Сибирь.

Сухум произвел на меня самое неблагоприятное впечатление. Базар, находившийся перед крепостью, состоял не более как из двадцати грязных духанов-кабаков, в которых были выставлены для продажи без всякого разбора: вино, водка, табак, седла, оружие, говядина, соленая рыба, овощи и самые простые турецкие материи. Только из одного духана раздавались веселые голоса; в его открытом окне виднелись эполеты и фуражки наших морских офицеров. Это был духан Тоганеса, избранный ими для постоянного пристанища на берегу, единственное место отдыха в Сухуме, доставлявшее им возможность за стаканом портера или марсалы забывать невыразимую тоску, которую он наводил на каждого.

Крепость, построенная из дикого камня в виде четырехугольника, около ста сажень по фасу, с башнями по углам, имела вид развалины. Внутри ее помещались две ветхие деревянные казармы, госпиталь, артиллерийский цейхгауз, провиантский магазин и

дом коменданта. Сухумский гарнизон составляли две пехотные роты и команда крепостной артиллерии. Люди имели болезненный вид несчастных жертв, обреченных на вечную лихорадку, от которой половина их ежегодно умирала. При турках считали в Сухуме около шести тысяч жителей; в тридцать пятом году нельзя было насчитать и сотни сверх гарнизона. Прежде крепость была окружена красивыми предместьями, отличавшимися множеством тенистых садов, и пользовалась отличною водою, проведенною из гор далее мили. Турки называли Сухум вторым Истамбулом. Теперь расстилались около крепости болота, заражавшие воздух своими гнилыми испарениями; водопроводы были разрушены, солдаты пили вонючую, тинистую воду, и это было главною причиной болезней. Нас нельзя было нисколько винить в упадке Сухума, он был неотвратимым последствием неблагоприятных обстоятельств, сопровождавших пребывание наших войск в Абхазии. Видя, что мы положительно утвердились в крепости, турки оставили немедленно предместье; абхазы не имели обыкновения жить в городах; а русское население не могло существовать в соседстве их, при тревожном и неустроенном состоянии, в котором находился край. Впрочем, если крепость и ее окрестности не имели ничего живого и привлекательного, зато рейд представлял картину самой оживленной деятельности. Кроме нескольких десятков турецких чектерм, качавшихся на воде, около десяти русских военных судов разной величины, начиная от красивого фрегата до уродливой толлы, лежали на якоре перед Сухумом. Мне очень хотелось побывать на наших кораблях и познакомиться с морскими офицерами, пользовавшимися уже тогда репутацией образованных людей и отличных моряков, но я должен был на этот раз отказать себе в этом удовольствии, имея в виду доехать как можно скорее до Бамбор.

В Бамборах, где я должен был иметь свое постоянное пребывание, помещались: батальон 44-го егерского полка, полковой штаб и все главные военные заведения и склады для войск, занимавших Абхазию. Ук-

репление имело вид большого бастионированного параллелограмма и состояло из земляного бруствера обыкновенного размера. Внутренность его, разбитая на шесть правильных кварталов, обстроенных небольшими, чисто выбеленными домами, длинными казармами и магазинами, была опрятна и не наводила тоски, свойственной другим абхазским укреплениям. Возле крепости находился небольшой форштат с неизбежным базаром, населенным армянскими и греческими торгашами. Сюда абхазцы, а под их покровительством и незнакомые неприятельские черкесы приходили менее для торговли, чем для того, чтоб узнавать новости и высматривать, что делается у русских. Положение Бамбор в широкой и привольной долине реки Пшандры, в трех верстах от морского берега и почти в таком же расстоянии от селения Лехне, или Саук-су, как его называли турки, местопребывания владельца Абхазии, давало этому пункту значение, которым генерал Пацовский воспользовался весьма искусно для сближения с нами абхазцев и для распространения на них, сколько было можно, нашего нравственного влияния.

Приехав в Бамборы, я, не меняя одежды, пошел явиться к генералу Пацовскому. Его ласковый прием ободрил меня с первого раза и расположил к этому почтенному человеку; впоследствии чем ближе узнавал я его, тем более возрастала моя вера в его душевную доброту. По его приказанию, меня поместили в крепости в двух светлых и покойных комнатах, снабженных всем, что могло быть необходимо для отдыха и для занятий. Эта квартира, которую я помню, будто вчера только с нею расстался редко, впрочем, видела меня в своих стенах. Я спал или изредка занимался в ней, находясь все остальное время в разъездах или в доме у Пацовского, который, по кавказскому гостеприимному обычаю, с первого дня пригласил меня бывать у него и обедать, когда захочу. Жена, трое маленьких детей и две воспитанницы лет десяти составляли его семейство. Кроме нее находились в укреплении еще три офицерские жены, которых можно было, за неимением других, пригласить на кад-

риль или мазурку. Во всю зиму Пацовская давала у себя танцевальные вечера по два раза в неделю. Не только вышепоименованные дамы, но и ее маленькие воспитанницы принимали в них участие, а за недостатком женского пола на место дамы становились молодые офицеры и танцевали до упаду. Люди пожилые, нетанцующие, проводили вечер за бостонным столом. Бал кончался ужином, более сытным, чем изысканным, за которым не жалели абхазского вина, которое, право, было весьма недурно. Все это было очень незатейливо, но занимало молодежь, богатую избытком жизни, и отвлекало от менее невинных удовольствий, неразлучных с военной зимовкой. Гости, жившие в стенах крепости, приходили пешком. Глубокая грязь, затапливавшая все улицы при первом дожде, не допускала обыкновенных калош, вместо которых принуждены были надевать сверх комнатной обуви тяжелые солдатские сапоги. Но главное удовольствие я находил, бесспорно, в обществе самого Пацовского. С удивительным терпением и скромностью, принадлежащими истинному достоинству, он объяснял мне самым подробным образом свои прежние действия в Абхазии и знакомил меня с положением края. Уверившись в его прямом характере и здравом смысле, не подчинявшихся внушениям мелочного самолюбия, я открыл ему в скором времени настоящую цель, которую я преследовал в Абхазии. В скромности Пацовского был уверен, потому что никто лучше его не понимал опасности, которой могло подвергнуть меня одно неосторожное слово. По его мнению, не существовало никакой возможности проехать из Абхазии за Гагры; во-первых, потому, что он не знал абхазца, могущего быть моим проводником, а во-вторых, по причине удвоенной осторожности, с которою неприятель караулил Гагринский проход со времени прибытия в Абхазию действующих войск. Позже я совершенно убедился в справедливости его мнения, но на первый раз не смел отказаться от своего предприятия. Я не скрыл от него моего намерения стараться всеми силами опровергнуть фактом его убеждение, после

чего он откровенно пожелал мне успеха, обещая помогать мне с своей стороны, сколько будет возможно. Слово свое он сдержал как следует. Чувство душевного уважения, которое сохранил к его памяти до сих пор, двадцать семь лет после нашего знакомства, побуждает меня указать на его хотя не громкие, но весьма полезные заслуги в Абхазии.

В тридцатом году он высадился в Абхазии с десятью ротами своего полка, с восемью орудиями и с командой казаков, занял Гагры, Пицунду и Бамборы и не переставал трудиться с того времени над устройством порученной ему части. Что он успел в этом более, чем можно было ожидать от скудных средств, которыми он располагал, должен был сознаться каждый человек, видевший Бамборы и понимавший военное дело. Надо было видеть его заботливость о солдатских нуждах и его снисходительность к их недостаткам, не мешавшие ему нисколько поддерживать между ними самую строгую дисциплину, чтоб оценить вполне его практический ум и сердечную доброту. Абхазцев он умел привлечь к себе и овладеть их доверием, приотрачиваясь к их понятиям и не нарушая ни в каком случае данного слова. Сами зероломные, они тем более умели ценить правдивость. Они верили ему безотчетно и приезжали к нему издалека за советом и за помощью. В подобных случаях он помогал им часто своими собственными деньгами, не заботясь, будут ли они ему возвращены правительством. Пильна мельница на Мцыше служила одним из главных способов сближения абхазцев со своими русскими соседями. До Пацовского абхазцы не видавали пильной мельницы, и делали доски с руки пилою и топором или получали их морем от турок. Мало-помалу они стали приезжать на Мцышу выменивать и вытравивать доски у Пацовского, которые он им давал под разными условиями, имевшими в предмете выгоды полкового устройства. Сношения завязались, и скоро возникла из них некоторая зависимость абхазцев от русского изделия. Надо быть очевидцем подобного обстоятельства, чтобы понять, как легко можно сблизиться иногда с необразованным противником с помощью самого

простого средства, если оно дает ему материальные выгоды, заставляющие его забывать, хотя на время, нравственный гнет, который всегда лежит на завоеванном народе. Значение, которое Пацовский умел приобрести в глазах абхазцев, отзывалось на всех русских. В Бзыбском округе, где находились Бамборы, не было слышно о нападениях на наших солдат, ходивших поодиночке в самые дальние селения. Абхазцы встречались с ними как с добрыми знакомыми, детьми Пацовского, которого они любили. Говоря о хороших отношениях, существовавших в Бзыбском округе между русскими и абхазцами, надо отдать справедливость владельцу, прилагавшему со своей стороны все старания поддержать эти отношения. Н. смотрел на вещи другими глазами, и, право, не его вина, если наши дела не приняли в то время более выгодного для нас оборота. Вмешавшись, как начальник страны, в споры Дадяна и Гассан-бея с Михаилом, он принял слишком явно сторону первого, видимо, задел интересы последнего, оскорбил его самолюбие и возбудил в нем неудовольствие, имевшее последствием разлады в других делах, которые, по своему существу, вели к цели, столько же выгодной для самого владельца, как и для нас. Пацовский то и дело мирил обе стороны и улаживал их отношения, что не всегда было легко при столкновении русской начальственной власти с владельческой гордостью, опиравшейся на сан и на свои независимые права.

Вскоре после моего прибытия в Бамборы я поехал с Пацовским в Лехне представиться владельцу, имевшему в то время звание полковника лейб-гвардии Преображенского полка.

Дом владельца нет причины описывать подробно. Архитектурой он был много похож на дом Гассан-бея и отличался от него только размерами, будучи несравненно выше и просторнее. Палисад заменялся высоким плетневым забором, огораживавшим чрезвычайно обширный двор. Вместо тесной калитки отворялись для приезжего широкие ворота. Заметно было, что Михаил менее Гассан-бея опасался врагов или более надеялся на своих окружающих. Налево за оградой,

в расстоянии ружейного выстрела от владельческого дома, находилась старинная церковь. Въезжая на двор, я рассматривал с большим любопытством дом и его окрестности, представлявшие для меня много замечательного. Здесь две русские роты и двадцать два абхазца, не покинувшие своего князя, защищались в двадцать четвертом году более трех недель против десяти или двенадцати тысяч джекотов, убыхов и бунтующих жителей Абхазии. Около трехсот пятидесяти человек, занимавших дом, службы и двор, огороженный одним плетнем, без рва и бруствера, успели не только выдержать осаду, но отбить удачно несколько нападений открытою силой, пока не выручил их, высадившись в Бамборах, князь Горчаков, командовавший войсками в Имеретии. Во время осады неприятель занял церковь, о которой я выше упомянул, командовавшую над всею окрестностью, и стал обстреливать из нее середину двора. В темную ночь двадцать солдат под командой поручика (не припомню его имени) сделали вылазку, ворвались в церковь и перекололи всех засевших в ней абхазцев, кроме одного, успевшего скрыться на хорах. Очистив церковь, они отступили в ограду владельческого дома, потеряв только четырех человек. Этот урок подействовал на неприятеля так сильно, что он не решался более занимать церкви, стоявшей, как опыт доказал, слишком близко от руки и штыка наших солдат. Человек, уцелевший в церкви от побоища, был известный абхазец Каца Маргани, передавший впоследствии всею душой на сторону владельца, который, кажется, теперь еще жив и пользуется генеральским званием. Об этой защите владельческого дома в Лехне нашими солдатами, кажется, никто не писал, и я слышал о ней только в Абхазии, на самом месте действия. Командовал ротами, принадлежавшими к 44-му егерскому полку, капитан Марачевский, которого Ермолов наградил за это дело орденом Св. Владимира четвертой степени с бантом, что считалось в то время необыкновенным отличием.

Михаил Шервашидзе, абхазский владетельный князь, носивший у своих имя Гамид-бея, был тогда красивый молодой человек лет двадцати четырех,

пользовавшийся всеми качествами, имеющими высокую цену у черкесов, то есть был силен, стрелял отлично из ружья, ловко владел конем и не боялся опасности. Как правитель, он был, несмотря на свою молодость, далеко не хуже, если не лучше других, много хваленных кавказских владельцев; понимал простые нужды своего народа и умел заставить себе повиноваться. В отношении русских он держал себя как следует, без особой гордости и без подобострастия, действовал нескрывтно и охотно исполнял все наши требования, когда они не находились в совершенном разномыслии со средствами и с пользою Абхазии. Я познакомился с ним очень коротко и искренно полюбил его за участие, которое он мне показывал, и за его откровенные поступки со мною. Пацовский понимал его настоящим образом и, как умный человек, защищал против людей, обвинявших его в нерасположении к русскому правительству потому только, что они не находили в нем всегдашнего выражения покорности, которая, в сущности, так редко доказывает истинную преданность. Как настоящий горский князь, Михаил исполнял правила гостеприимства в самых широких размерах; никто не уезжал из его дома без угощения и без подарка. Мне он подарил в начале нашего знакомства прекрасную винтовку, с которою я потом никогда не расставался до моего последнего, весьма неудачного путешествия, лишившего меня и этой дорогой для меня вещи.

Насчет Цебельды Михаил объяснился со мною без всяких хитростей. Все, что он говорил об этом деле, вполне согласовалось с мыслями Пацовского. Он считал не только бесполезным, но даже вредным уговаривать цебельдинцев покориться, когда они сами не находили в этом ни нужды, ни выгоды. Это значило придавать им важность, которой они не имели. Только сила могла их принудить променять свою необузданную волю на подчиненность, тягостную для каждого горца. Прекратить же их набеги и сделать их по возможности безвредными для русских в Абхазии мог только он один, при добровольном содействии своего народа. Для этого он должен был сохранить в полной

силе свою власть над абхазцами и то значение, которым он пользовался в Цебельде, зависевшей от него по случаю зимних пастбищ, удобных для них только в его владениях. Он никак не рассчитывал допустить Дадияна мешаться в его дела или предоставить Гассанбею случай усилить свое личное значение за счет его владетельных прав. Это было ясно и так справедливо, что тут нечего было спорить.

Пацовский, заботясь, сколько было возможно, облегчить для меня сношения с абхазцами, назначил поручика своего полка, абхазского уроженца Шакрилова, находиться постоянно при мне в звании переводчика. Шакрилов говорил равно хорошо по-русски, по-абхазски и по-турецки, знал основательно свою родину и к этим качествам, делавшим из него весьма дорогую находку для меня, присоединял еще большую смелость, прикрытую видом обыкновенной скромности. Он и другой абхазец, Цонбай, первые решились вступить еще молодыми людьми в русскую военную службу. Пацовский, желая этим способом составить новую связь с абхазцами и приманить их выгодами службы, взял Шакрилова и Цонбая к себе в дом на воспитание и в несколько лет образовал из них прекрасных офицеров, ни в чем не отстававших от своих русских товарищей. Шакрилов был женат, имел старика-отца и трех братьев. Отец и старшие братья остались мусульманами: два младших брата, Муты и мой переводчик Николай, продолжавший также носить название Эмина, приняли христианскую веру. В Абхазии нередко встречались подобные случаи, когда в одном и том же семействе бывали и христиане и магометане, что, впрочем, нисколько не вредило их родственному согласию. С шестого по шестнадцатый век весь абхазский народ исповедовал христианскую веру. Церковью управлял независимый католик, имевший пребывание в Пицундском монастыре; в Драндах находилось епископство, и, кроме того, вся Абхазия была усеяна церквями, развалины которых я встречал на каждом шагу. Турки, обратившие абхазцев в магометанскую веру, не успели совершенно уничтожить в них воспоминаний о христианской старине. В абхаз-

ском магометанстве не трудно было заметить следы христианства в соединении с остатками язычества. Когда Сефер-бей принял христианскую религию, примеру его последовали некоторые абхазцы; другие крестились позже при его наследниках. Новообращенные христиане строго исполняли вне наружные обряды, налагаемые церковью, не расставаясь, однако, с некоторыми мусульманскими привычками, вошедшими в народный обычай. Они имели, например, не более одной жены; но зато позволяли себе менять ее при случае. Абхазские магометане не отказывались ни от вина, ни от мяса нечистого животного, противного каждому доброму мусульманину. Христиане и магометане праздновали вместе Рождество Христово, Св. Пасху, Духов день, Джуму и Байрам и постились в рамазан и великий пост, для того чтобы не давать друг другу соблазна. Те и другие уважали в одинаковой степени священные леса и боялись не на шутку горных и лесных духов, которых благосклонность они снискивали небольшими жертвами, приносимыми по старой привычке тайком, так как это запрещалось им священниками.

В Бамборах я не терял долго времени. Одна из моих первых поездок была направлена в Пицунду, куда я поехал вместе с Пацовским с целью осмотреть место для постройки укрепления, долженствовавшего обеспечить сообщение Гагр с Бамборами. Пицундский монастырь, занимаемый нашими войсками, лежал на берегу моря, совершенно в стороне от прямой гагринской дороги, загороженный от нее и от Бамбор цепью невысоких, но очень крутых, покрытых лесом гор. Через эти горы вела в Пицунду довольно неудобная вьючная дорога, проходима только для войск, а не для артиллерии и для тяжестей, которые принуждены были доставлять туда морем. На берегу Бзыба, у поворота дороги через горы в Пицундский монастырь, находилось многолюдное селение Аджепхуне, в котором жили Инал-ипы, считавшиеся, после владельца самыми богатыми и сильными князьями в Абхазии. От Бамбор до Аджепхуне существовала уже весьма удобная дорога; далее не встречалось никакого затруд-

нения проложить ее по совершенно ровной местности до самого Гагринского монастыря. Выгоднее Аджепхуне нельзя было найти пункта для предполагаемого укрепления: оно оберегало бы здесь в одно время дорогу от Бамбор к Гаграм и к Пицунде и переправу через Бзыб, повелевало бы неприятельскими пастбищами и наблюдало за пограничным абхазским населением, имевшим постоянные сношения с приморскими, одноплеменными с ним джекетами. Пацовский одобрил мой выбор во всех отношениях; я прибавил чертеж проектированного мною укрепления, приспособленного к местным обстоятельствам: земляного редута с деревянными оборонительными казармами посреди фасов, от которых выдавались капониры для обороны рва.

Пицундский монастырь занял мое внимание еще более Дранской церкви; положение его было не менее живописно, а постройка отличалась величиною и некоторыми частными достоинствами, которых не было у последней. Церковь чисто византийской архитектуры, воздвигнутая по указанию Прокопа в шестом веке, в царствование Юстиниана, сохранилась довольно хорошо. В одном приделе были видны на стенах и на потолке весьма любопытные фрески, пережившие время владычества турок в Абхазии. На большом ореховом дереве, возле церкви, висел колокол весьма искусной работы, с изображением Мадонны и латинской надписью, указывавшею, что он был отлит в 1562 году. Уважение, которое абхазцы и джекеты питали, по преданию, к остаткам Пицундского монастыря, не позволило им коснуться этого колокола, принадлежавшего ко времени генуэзского владычества на восточном берегу Черного моря. Пицунда была снабжена отличною ключевою водой посредством древнего водопровода, сохранившегося в полной целости. На Пицундском мысу существовала, кроме того, сосновая роща, единственная по всему абхазскому побережью, доставлявшая отличный строевой лес. Две роты егерского полка, занимавшие Пицунду, помещались в монастырской ограде, к которой Пацовский пристроил по углам деревянные башни для фланговой обороны.

Они пользовались здоровым климатом, хорошей водой, но находились здесь без всякой особой цели.

До Гагр мы не пытались доехать, так как пространство, лежавшее между ними и Пицундою, было, как я уже упоминал, в руках неприятеля. Это обстоятельство доказывало ясно, что гагринское укрепление, невзирая на свою позицию, вследствие которой оно считалось ключом береговой дороги, вовсе не открывало нам пути в неприятельские владения и не запирало для неприятеля входа в Абхазию. Чего же можно было ожидать от других подобных крепостей на морском берегу?

После того я продолжал, не давая себе отдыха, странствовать по горной Абхазии, осматривать дороги и знакомиться с людьми, от которых надеялся узнать что-нибудь полезное для моего скрытого намерения. Беспреданно бывал я в Сухуме, в Келассури у Гассан-бея или в Драндах, не говоря уже о моих частых посещениях владетельского дома.

Николай Шакрилов был моим неразлучным товарищем во всех поездках. Люди, встречавшие нас на дороге в горской одежде, с винтовками за спиною, ни в каком случае не могли принять нас за русских служащих. Это было первое условие нашей безопасности. Зная, что от случайной встречи с Софыджем, с Богоркан-ипою или с другим разбойником от пули, направленной из лесу, не существовало другой защиты, кроме случая же и счастья, мы заботились только о том, чтоб уберечь себя от засады, приготовленной собственно для нас. С этой целью я менял беспреданно моих лошадей и цвет черкески; выезжал в дорогу то с одним Шакриловым, то с его братьями или с более многочисленным абхазским конвоем, который мне давали владетель или Гассан-бей. Никогда я не говорил заранее, когда и в какое место намерен ехать; никогда не возвращался по прежней дороге. Эта последняя предосторожность соблюдается постоянно у горцев, из коих редкий не имеет врага, способного выждать его на пути, если он ему будет известен. Моего Николая Шакрилова знали весьма многие в Абхазии. Встречая его часто с незнакомым человеком в горском платье

кабардинского покроя и с бородою, усвоенными мною с намерением противно абхазскому обычаю, потому что я не знал языка и не мог выдать себя в Абхазии за абазина, любопытные стали дознавать, кто я таков и по какому поводу бываю так часто у владетеля и у Гассан-бея. Находя ответы, которые давали им по этому случаю Шакриловы, да и сам Гассан-бей (владельца не смели спрашивать), недовольно ясными, они начали за мною следить, и я сделался, не зная того, предметом частых разговоров абхазских политиков. Вследствие этих толков и внимания, которого я не мог избежать со стороны людей, заботившихся более всего о том, что происходило на больших дорогах, мои поездки не остались без приключений.

В конце февраля сделалась тревога по всей Абхазии. Разнесся слух, будто цебельдинцы, восстановленные против абхазского владетеля происками Дадиана и Гассан-бея, намерены ворваться неожиданно в Абхазию с единственною целью дать явное доказательство того, как они его мало боятся и уважают. Дело было придумано довольно ловко. Одним ударом хотели поставить его на решительно враждебную ногу с цебельдинцами и уронить в глазах собственных подданных, которых кровь и разорение по этому случаю должны были пасть лично на него. Цебельда разделилась на две партии: одна желала сохранить с ним прежние мирные отношения; другая выжидала только случая нанести ему оскорбление. Для последней все предлоги были хороши. В первом порыве гнева владетель хотел арестовать Гассан-бея и сам напасть на цебельдинцев, прежде чем они успеют спуститься в Абхазию; с этою целью он разослал во все стороны собирать дружину из преданных ему людей. Перед тем он заехал посоветоваться с Пацовским, успевшим уговорить его не предпринимать ничего против Гассан-бея, вероломство которого невозможно было доказать и который явно ни в чем не нарушал своих обязанностей, а, напротив того, воспользовался им же, для того чтобы покончить дело без кровопролития. Пацовский советовал созвать сперва цебельдинских князей и старшин на совещание в Келассури, пред-

ложив самому Гассан-бею принять на себя обязанность посредника в их распри с владельцем. Расчет Пацовского был весьма основателен: если Гассан-бей действительно поднял цебельдинцев, то он имеет возможность и унять их воинственный порыв. Пацовский знал хорошо Гассан-бея и был уверен, что он не решится действовать открыто против выгод владельца, что довольный ролью посредника, из одного самолюбия, постарается покончить дело хорошим образом, как для того, чтобы явно обязать владельца, так и для того, чтобы выказать перед русскими властями вес, каким он пользуется в Цебельде и в Абхазии. Сбор дружины Пацовский одобрил, находя весьма разумным со стороны владельца показать своим неприятелям, что он имеет средства и готов встретить их силою, если добровольно не откажутся от своих враждебных намерений. Это был лучший способ кончить дело, не вынимая ружей из чехлов.

Собрав около пятисот конных абхазцев, владелец отправился к Гассан-бею в Келасури. Пацовский был нездоров и попросил меня ехать в Сухум, с тем чтобы следить за ходом переговоров и немедленно дать ему знать, если какое-нибудь неожиданное обстоятельство потребует его личного присутствия. На другой день я прибыл в Сухум с моим Эмином Шакриловым. Каца Маргани находился в числе дворян, провожавших владельца. Не знаю, право, за что этот человек меня очень полюбил, и, следя за мною, кажется, один догадывался, что имею скрытое намерение. Каца говорил только по-абхазски, и я очень жалел, что не мог объясниться с ним без переводчика; при его тонком уме и при значении, которым он пользовался в народе, я мог найти у него пособие или, по крайней мере, весьма полезные указания для моего дела; но я молчал, опасаясь поверить мою тайну кому бы то ни было, не исключая даже Шакрилова. Узнав, что я приехал в Сухум с одним Эмином, Каца покачал только головой. «Очень неосторожно, — сказал он мне, — ездить вдвоем в такое тревожное время; побереги свою голову, она нужна тебе для другого дела; не бойся меня, я тебе искренний приятель и не выдам тебя, а в доказа-

тельство моей дружбы скажу, что за тобою уже следят. Богоркан-ипа хвалится тебя поймать и привести в Цебельду, живого или мертвого, если ты не перестанешь ездить по Абхазии, и прибавил, что он позволяет надеть себе через плечо прялку вместо ружья, если он не сдержит своего слова, только бы ему удалось тебя встретить. Ты знаешь, что значит у горца подобный зарок». Поблагодарив Марганию за совет и за приятельское уведомление, я сказал, что у меня нет никакого тайного намерения, и уверял его, что езжу весьма часто в разные стороны из одного любопытства, а еще более потому, что не люблю сидеть долго на одном месте. Это не удовлетворило Марганию, прекратившего разговор словами: «Ты молодая лисица, а я старый волк, напрасно станем друг друга обманывать».

Скоро съехались в Келасури цебельдинские старшины; владелец послушался совета, данного ему Пацовским. Я остался с намерением в Сухуме и только посылал Шакрилова в Келасури узнавать каждый день, что там делается. В то время, я знаю, партизаны Дадиана обвиняли меня в Тифлисе перед главнокомандующим, будто бы я вмешался в цебельдинское дело и дал ему неблагоприятный оборот. Это обвинение было несправедливо уже потому, что распри владельца, Гассан-бея и цебельдинцев распуталась самым лучшим образом, без военной тревоги, как требовали тогда наши выгоды в Абхазии. Так называемое усмирение Цебельды путем переговоров была бессмыслица, которой могли верить только люди, решительно незнакомые с положением дел в западной части Кавказа. Кроме того, я никогда не мешался в самый ход дела, а только следил за ним со стороны, изучая его, как я говорил владельцу и Гассан-бею. Изучать дело значило знакомиться с положением Цебельды и с отношениями ее к Абхазии. Для этой цели я мог выслушивать каждого и даже высказывать иногда мое личное мнение, что меня ни в чем не связывало и не обязывало никого действовать, как я думал.

В Сухуме я проводил почти все мое свободное время на судах нашей эскадры или в крепости у доктора К*, с которым я познакомился очень близко, на-

ходя у него всегда готовую квартиру, место за столом и постель, как водилось в старину на Кавказе.

Пока я в Сухуме переезжал с одного корабля на другой или проводил целые дни у доктора и, казалось, решительно ничем не был занят, я не упускал из виду Келассури и знал все, что там происходит. Дело не ладилося сначала, и было мгновение, в которое оно стало принимать довольно раздражительный оборот. Я не замедлил дать знать об этом Пацовскому, который, как бы случайно, приехал в Сухум инспектировать гарнизон, разумеется, имел при этом случае свидание с владельцем и с Гассан-беем и успел их согласить и дать переговорам более выгодное направление. Сделав свое дело, он уехал обратно в Бамборы, а я остался ожидать окончательного исхода переговоров. Дней через пять все было приведено в порядок, сколько позволяли обстоятельства и нравы переговаривавшихся: цебельдинцы дали обещание не вторгаться в Абхазию, взамен чего Михаил обязался не нападать на них и не обижать тех из них, которые станут приходить в его владения без дурных намерений. Лишь одна частная вражда между каким-то цебельдинским семейством и владельческими телохранителями осталась нерешенною, потому что первые упирали на право кровомщения, а вторые — на свою полицейскую обязанность задерживать и даже убивать воров и разбойников; сам же Михаил весьма основательно не считал возможным сделать в этом случае уступки. Гассан-бей старался всеми силами дать переговорам возможно благоприятный оборот для владельца и покончить их в самое короткое время столько же из самолюбия, чтобы возвысить себя в его глазах, сколько, полагаю, и для того, чтобы скорее избавиться от него и от его многочисленной дружины, которую он, как княжеский вассал, был обязан кормить, пока она находилась в его округе. По наружности все остались довольны исходом дела и начали разъезжаться по домам.

Считаю не излишним сказать несколько слов об абхазах вообще, о разделении их на различные сословия и об обычных правах этих сословий.

Восточный берег Черного моря населен двумя совершенно различными племенами: от Анапы до реки Саше живут натухайцы и шапсуги, принадлежащие к племени, известному у нас под именем черкесского, или адыге, как они сами себя называют; от Саше до устья Ингура морской берег занят абазинами, называющими себя оабсасуап. Последние делятся на джекетов, или садзов, живущих между реками Саше и Бзыб, и на абхазцев, составляющих отдельное владение. Черкесы и абазины говорят на двух различных языках, не имеющих между собою никакого сходства. Трудно определить число абхазского народонаселения: в мое время нам не удавалось еще нигде пересчитать горцев точным образом. Все цифры того времени, которыми означали кавказское население, брались приблизительно, можно сказать на глаз. По понятиям горцев, считать людей было не только совершенно бесполезно, но даже грешно; почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться. В мое время, то есть в тридцать пятом году, считали в Абхазии около сорока тысяч голов мужского пола, цифра, которую я повторяю, не позволяя себе ручаться за ее точность.

Абхазцы, называющие своего владельца «ах», делятся на пять сословий: на «тавад», князей; «амиста», дворян; «ашнахмуа», владельческих телохранителей, составляющих среднее сословие; «анхао», крестьян, и «агруа», рабов.

Владельческая власть была в то время весьма ограничена. Не получая определенной подати от народа и пользуясь только постоянным доходом со своих собственных земель, владелец находился в зависимости от князей и дворян, которые всегда были готовы сопротивляться его требованиям, когда они не согласовались с их сословными интересами. Принудить кого-нибудь из них подчиниться безусловно его воле он мог не иначе, как с помощью тех же дворян, которых он должен был в подобном случае сперва склонить на свою сторону просьбами и подарками. Согласно весьма древнему обычаю, владелец пользовался правом

раза два в году навестить каждого князя и дворянина и при этом случае получить от него подарок. Кроме того, ему платилась особенная пеня за убийство, воровство и за каждый другой беспорядок, произведенные в соседстве его дома или на земле, составляющей его родовую собственность. Эти подарки и пени составляли единственную подать, получаемую владельцем от своих подданных.

«Ашнахмуа», владетельские телохранители, составляют особенное сословие, степенью ниже дворянства но пользуются всеми его правами относительно земли и крестьян. Это сословие образовалось частью из владетельских крестьян, освобожденных от повинностей и поставленных выше своего прежнего звания за разные заслуги. Они не платят никаких податей, и вся обязанность их заключается в охранении владельца и его дома.

Крестьяне имеют право владеть землей и даже рабами, но сами несут установленные обычаем повинности по отношению к господину, на земле которого поселены. Они обязаны помогать ему в полевых работах, когда их собственные хозяйственные дела то допускают, два раза в год давать ему по полной арбе кукурузы или гомми, по одной скотине и по кувшину вина.

Рабы существуют в Абхазии двух родов: коренные «агруа», рожденные в крае, и новые, добытые грабежом или на войне. Раб составляет неотъемлемую собственность своего господина, обязанного его кормить и одевать или снабдить его землею, подобно крестьянину. Находясь в доме своего господина, раб обязан исполнять все работы, которые на него будут наложены; если же господин снабжает его землей, то он обязан работать на хозяина три дня в неделю, а в остальное время свободен. Дочери рабов находятся в доме владельца, имеющего право подарить их кому захочет, променять или продать. Жены рабов не могут быть разлучены с мужьями. Коренного агроа господин может продать не иначе, как с разрешения владельца, который один имеет над ними право жизни и смерти; новоприобретенного раба он продает куда и как ему

угодно. Хотя рабы не изъяты от телесного наказания, но оно почти никогда не исполняется над ними, потому что горцы вообще его гнушаются.

Власть родительская неограниченна. Отец не отвечает ни перед кем за жизнь своего ребенка; но абхазцы, как и прочие горцы, так сильно привязаны к своим детям, что случаи злоупотребления родительской властью почти неслыханны.

Обычные законы о наследстве весьма просты. Имение делится после умершего поровну между его сыновьями. Дочери не имеют участия в наследстве, но должны получить пропитание до замужества у своих братьев, обязанных также дать им приданое сообразно их состоянию. Когда умерший не имеет прямых наследников, то имение делится поровну между его ближайшими родственниками, которые равномерно обязаны содержать и выдать замуж его дочерей. Вдова ничего не получает из имения своего покойного мужа, но вправе требовать пожизненного содержания от его наследников. Имение человека, умершего без наследников, переходит к владельцу.

Все спорные дела решаются в Абхазии судом по обычаю; к шариату абхазцы прибегают редко и весьма неохотно, так как исламизм не пустил еще между ними глубоких корней. Тяжущиеся стороны выбирают обыкновенно судей из числа дворян, пользующихся весом в народе. Избранные судьи назначают по своей воле день суда, испросив на то соизволение владельца. В случае важного дела заседание помещается в ограде одного из древних монастырей, возле развалин церкви или под тенью священных деревьев, в местах, уважаемых абхазцами по преданиям христианской и языческой старины. Народ собирается слушать дело, которое обсуживается публично. Судьи, дав присягу, что станут судить дело по совести, по правде и по обычаю, выслушивают тяжущихся и свидетелей и, когда все обстоятельства приведены в ясность, удаляются для тайного совещания. Согласившись между собою, они до объявления приговора берут от обеих спорящих сторон присягу и поручительство в исполнении его, потому что на судьях лежит обязанность не толь-

ко решить дело, но и выполнить решение. Иногда тяжущиеся подчиняются суду самого владельца, который в таком случае разбирает дело на основании общих правил служащих руководством для обыкновенного третейского суда. Подобным образом разбираются все дела, касающиеся до наследственных споров, до условий, семейных дел, воровства, грабежа, убийства и кровомщения.

Смертная казнь не существует в Абхазии. Князья и дворяне отвечают обиженному только своим имуществом; крестьяне своею личною свободой, когда их собственности не достанет на уплату пени.

За убийство зовут на суд только люди, не имеющие силы сами отомстить обидчику, или когда кровомщение угрожает сделаться бесконечным.

За бесчестие женщины или девушки отплачивают смертью, не зная в этом случае другого способа загладить стыд. В минуту доказанной неверности жены муж имеет право убить ее. По суду она обращается только в его рабу, что ему дает возможность продать ее. У черкесов, строго соблюдающих правила исламизма, существует совершенно противоположный обычай. Муж пользуется правом продать неверную жену, если он не хочет подвергнуть ее суду шариата, неумолимо наказывающего смертью подобного рода преступлений.

В конце апреля приехал в Абхазию генерал N. Мои исследования и предложения не были им одобрены. Место, выбранное мною для бзыбского укрепления, показалось ему неудобным, и он предоставил себе самому отыскать новый пункт. Осмотрев разные места, он нашел его, наконец, возле устья Бзыба, в четырех верстах севернее Пицунды, где он также предполагал учредить переправу. По моему мнению, место было одинаково неудобно для переправы и для укрепления. Заброшенный уголок на берегу моря, отрезанный высоким гребнем от всех населенных мест, в стороне от дороги, посреди густого леса, этот пункт ничем не владел и ничего не защищал.

Как ни противился этому выбору Пацовский, что ни говорил о нем владелец, N. остался непоколебим. Часть отряда под его личным начальством отправи-

лась строить бзыбское укрепление, для которого надо было сперва очистить лес. Полтора батальона получили назначение устроить дорогу через горы между Аджепхуне и Пицундою. Для прикрытия работ на левом берегу Бзыба необходимо было выдвинуть авангард на правый берег реки и устроить для него сообщение с главным отрядом. С этой целью N. вызвал к войскам владельца с несколькими сотнями абхазских милиционеров, которых он расположил в лесу за Бзыбом, дав им в подкрепление две русские роты. Скоро и Пацовский отправился из Бамбор на Бзыб, и я остался в опустелом укреплении, один с Шакриловым, преследовать с упрямством цель, для которой я приехал в Абхазию. В Тифлисе я дал слово не упустить никакого случая, сколько бы он ни представлял опасностей, увидеть морской берег за Гаграми, чтобы разрешить различные спорные вопросы, и сгорал нетерпением исполнить мое слово, имея в виду одну пользу, какую надеялся принести своим самопожертвованием. Между тем я встречал с каждым днем новые затруднения и все более убеждался в том, что не найду в Абхазии средств исполнить мое поручение. Днем и ночью я работал мысленно, придумывая новые средства и другие пути для моего путешествия. К этой борьбе с враждебными обстоятельствами присоединилась для меня еще новая напасть, угрожавшая разрушить все мои планы. Начальник абхазского отряда, несогласный с моим взглядом на вещи и недовольный тем, что я имел сверх официального еще другое назначение, освобождавшее меня от его непосредственного надзора, начал мне вредить служебным путем, выставляя все мои действия не имеющими положительного основания и не обещающими никакого результата. Получив об этом уведомление из Тифлиса, понял очень хорошо, что могу опровергнуть его заключения не словами, а только фактом, и должен спешить представить его на глаза тех лиц, которым старались внушить против меня предубеждение. Мое положение было в это время незавидно, и я решился освободиться из него, составив следующий план, основанный на сведениях, собранных мною в Абхазии. Не надо забывать, что в то

время все эти сведения были для нас еще очень новы, и никто не знал, где именно живут люди того или другого племени и каким языком они говорят. Абхазцы, как я узнал, не имели никакой связи с шапсугами; сношения их с приморскими джекетами были совершенно ничтожны; и так как неприятель караулил гагринскую дорогу день и ночь со времени прихода наших войск на устье Бзыба, то нечего было и думать проехать этим путем. Между тем Башилбай, Шегирей, Там и некоторые другие аулы на северной покатости гор состояли из населения чистого абазинского происхождения, с которым абхазцы поддерживали самые дружеские отношения, находя в этих аулах пристанище, когда им случалось переходить через снеговой хребет с целью грабить черкесов, с которыми они давно уже жили не в ладу. Мое намерение было, пользуясь этим обстоятельством, перейти через горы с абхазцем, имеющим друзей или родственников в одном из означенных аулов, слывших настоящими разбойничьими гнездами, поселиться в нем и, выждав удобный случай, склонить первого решительного удальца провести меня к морю. Этот расчет был составлен мною обдуманно, и я имел уже в виду людей, к которым я хотел обратиться с моим предложением. На верховье Зеленчука, недалеко от Башилбая, скрывались абазинские князья Ловы, жившие прежде на линии в своем собственном ауле, лежавшем на берегу Кумы. В припадке оскорбленной гордости они убили пристава, поставленного русским начальством над их аулом и принадлежавшего к числу их узденей; после того им нельзя уже было оставаться в пределах, подвластных русской власти. Они бежали в горы с довольно большим числом преданных узденей и более четырех уже лет тревожили нашу границу своими частыми и весьма удачными набегами. Имя их получило некоторую известность на линии и между черкесскими абреками; дела их, согласно горскому взгляду на вещи, шли хорошо; но сами они скучали о родном месте и, не увлекаясь своими удачами, думали только о том, как бы снова сблизиться и помириться с русскими. Об этом я узнал от абхазского дворянина Микамбая, ходившего в пре-

жные времена довольно часто на северную сторону гор. Я познакомился с ним в одну из моих поездок по нагорной части Абхазии и, не зная еще, на что может он мне пригодиться, на всякий случай стал поддерживать наше знакомство, приглашая его к себе и делая ему подарки, которые он очень любил. Не полагаясь на его дружбу, я не открывал ему моих настоящих намерений, решившись поверить их только тому горцу, который бы согласился быть моим проводником. Поэтому я просил только Микамбая переслать от меня к Ловам турецкое письмо, написанное Эмином Шакриловым, в котором я предлагал им мое посредничество, если они действительно намерены покориться, и звал их к себе в Абхазию переговорить об этом деле. Охотник Хатхуа, один из Крестьян Микамбая сходил с этим письмом через горы и принес мне в ответ, в котором Ловы с удовольствием принимали мое предложение, но отказывались ехать в Абхазию, опасаясь оставить без защиты свое семейство, на которое русские войска могли напасть в продолжение их отлучки. Они предлагали мне самому приехать к ним для свидания, обещая принять меня как неприкосновенного гостя, кто бы я ни был, так как в моем письме я объявил им, что назову себя только тогда, когда наше дело уладится и они удостоверятся в моем праве говорить именем русского правительства. Их приглашение меня очень обрадовало, давая мне весьма благовидный предлог для путешествия через горы. Я решился воспользоваться им немедленно. С письмом Ловов в руке я предложил Микамбаю провести меня через горы, уверяя его притом, что я предпринимаю эту поездку единственно для того, чтобы не упустить случая помирить с русскими таких опасных абреков, каковы братья Ловы, и в то же время вывести их самих из ненадежного положения, в которое они себя поставили. Невзирая на мои убеждения, подкрепленные выгодными предложениями, Микамбай отказался решительно идти со мною на линию, считая подобное предприятие слишком опасным.

Шакрилов проводил меня к Микамбаю и служил переводчиком в переговорах с ним. Это были послед-

ние услуги, оказанные им мне. Вслед за тем генерал N. потребовал его к себе переводчиком, и Шакрилов отправился в отряд, находившийся на Бзыбе, поручив мне не забывать его жены, жившей в небольшом домике по дороге от укрепления в Лехне.

Не уладив дела с Микамбаем, я поехал в бзыбский отряд с намерением упросить владельца доставить мне другой способ съездить через горы к Ловам. Кроме того, я любопытствовал увидеть вблизи работы, производившиеся на Бзыбе, и переправу через эту реку, о которых доходили до меня разные непонятные слухи. Для переправы на другой берег ходил баркас на блоке по якорному канату, перетянутаго через реку под острым углом. Устройство этой переправы стоило невероятных трудов, канаты рвались, баркасы ломало, и надо отдать полную справедливость искусству и терпению, с которыми наши моряки успели наконец взять верх над бешеною рекой. Я не понимал только цели, для которой все это делалось, и удивлялся, что до сих пор не случилось какого-нибудь большого несчастья.

Укрепление мне показалось также не на месте; его разбили слишком близко к реке, имевшей обыкновение менять беспрестанно свое течение и обмывать берега на весьма большое пространство. В военном отношении не мог не сознавать его положительной бесполезности. Оно строилось в виде бастионированного треугольника для двух орудий и для гарнизона в сорок человек в ста сажнях от морского берега, кончавшегося десятифунтовым обрывом. За этим обрывом черкесские галеры оставались скрытыми от выстрелов из укрепления и могли, если бы им вздумалось, приставать к берегу у него под носом; а выходить на встречу к неприятелю, не зная числа его, едва ли можно было советовать такому малочисленному гарнизону. К счастью, Бзыб принял на себя труд решить вопрос о выгодах и невыгодах этого укрепления, размыв его следующею весной до основания, так что люди промучились в нем только одну зиму. Жаль было только трудов и времени, потерянных на его постройку.

На другой день я переехал на правую сторону реки в лагерь абхазского ополчения, утопавшего в грязи, между пнями и валежником вновь расчищенного леса. Владелец принял меня в низеньком балагане на мокрой соломе в весьма дурном расположении духа и сообщил мне с первых слов, что абхазцы громко ропщут на скучную стоянку в лесу без всякого дела и что ему самому надоело караулить неприятеля, который не показывался еще, да и вперед не покажется, имея твердое намерение не мешать русским на Бзыбе, а встретить их, только когда они двинутся за Гагры. Сам он намеревался просить начальника уволить его из лагеря с частью милиции, которую, по его мнению, должно было разделить на несколько смен. Михаил рассуждал в этом случае весьма справедливо и нисколько не думал отказывать нам в своей помощи. Но он знал свой народ и предвидел, что милиционеры станут разбегаться, если не будут иметь перед собою достаточно короткий и точно определенный срок службы. С моей стороны, я рассказал владельцу мою неудачу с Микамбаем и просил его помочь мне проехать на линию. Князь Михаил обещал мне взяться за это дело, вернувшись в Лехне.

Не позже как на третий день после моего отъезда из отряда в Бамборы прискакал абхазец уведомить меня о несчастье, случившемся на Бзыбе. Баркас, ходивший от одного берега к другому, опрокинуло напором воды с бывшими на нем двадцатью человеками, из которых двенадцать потонуло. В числе утопших находился Эмин Шакрилов, тело которого унесло в море, так что его не смогли даже отыскать. Это известие меня чрезвычайно огорчило, потому что я привык видеть в Шакрилове моего неразлучного товарища и любил его за добрый нрав и за качества ума, которыми он отличался перед всеми знакомыми мне молодцами абхазцами. Первым долгом было для меня поспешить к его несчастной вдове. Здесь меня ожидала сцена, которой я не мог предвидеть, не имевши прежде случая присутствовать на абхазском погребении.

В нескольких шагах от дома, около которого толпилось немалое число мужчин и женщин, я сошел с

лошади и попросил уведомить вдову о моем приезде. Через несколько времени послышался из дома громкий плач, дверь отворилась, и Шакрилова вышла ко мне, рыдая и заливаясь слезами; несколько молодых девушек, родственниц покойного мужа, окружали и поддерживали ее. Она была одета в длинную шерстяную рубашку черного цвета, босая, с открытою грудью и с распущенными волосами. Лицо, грудь и руки были исцарапаны и избиты до крови не только у нее, но и у всех родственниц Шакрилова. Непритворная скорбь, написанная на ее лице, возбуждала искреннее сожаление; но, признаюсь, язвы, которыми оно было изуродовано, не усиливали этого чувства, а возбуждали только отвращение. В этом случае она исполняла обычай которого никакая абхазка не смела нарушить под опасением потерять всякое уважение в народе. Выслушав от меня выражение участия, какое принимал я в постигшем ее горе, она ввела меня за руку в шалаш, построенный возле дома и убранный внутри коврами и разными материями, посреди которого стояла на высоких подмостках парадная постель. Вместо неотысканного тела лежало на постели платье Шакрилова, оружие и седло висели над изголовьем. При виде этих вещей принадлежавших покойнику и как бы заменявших его теперь, плач и рыдания, перемешанные с ударами в грудь и лицо возобновились с удвоенною силой и продолжались, пока вдова не упала в изнеможении на кресла, поставленные для нее возле подмостков. После нескольких минут отдыха ее отвели в дом. Эта сцена должна была повторяться при появлении каждого нового посетителя, причем все присутствующие женщины присоединяли свои голоса к плачу вдовы с оглушительным рвением.

Между тем владетель призвал к себе Микамбая и, после продолжительных отказов с его стороны, уговорил его проводить меня через горы. Он просил только дожждаться для нашего путешествия теплых июньских дней, когда горы очистятся, сколько можно более, от снега, а до того времени считал необходимым не только о нем никому не говорить, но даже прекратить между нами всякого рода гласные сношения, а

мне не оставлять Бамбор, для того чтоб отвлечь от себя совершенно внимание абхазцев.

Время ожидания проходило для меня чрезвычайно скучно и медленно. Кроме обеда в доме Пацовской и вечера за бостоном у нее же да прогулки верхом в ближайших бамборских окрестностях, я не имел других средств подавить нетерпение, с каким я ожидал моего отъезда.

Наконец Михаил дал мне знать, что Микамбай готов к отъезду и ждет меня у себя. Муты, старший брат покойного Эмина, был назначен ко мне переводчиком и снабжен от владетеля охранным письмом на имя хаджи Джансеида, если бы мы имели несчастье встретить черкесов. В дорогу мне нечего было долго собираться. На маленькой абхазской лошади, ружье за плечами, в саквах одна перемена белья и обуви да часы, бусоль и записная книжка с карандашом за пазухой, выехал в одно утро из Бамбор с Муты Шакриловым, сказав всем знакомым, что я еду в Сухум провести несколько дней в обществе морских офицеров. В Сухуме я пробыл не более одного дня и выехал из крепости по бамборской дороге, распустив на базаре слух, что меня неожиданно потребовали в бзыбский отряд, куда я спешу проехать, минуя даже свою квартиру. Отъехав верст десять от Сухума, мы повернули в лес, прождали в нем, пока смерклось, и оттуда, никем не замеченные, пробрались горными тропинками к Соломону Микамбаю в Анухву. На Кавказе нельзя было в то время не иметь довольно осторожности, особенно мне, за которым, как я не раз замечал, следили невидимые глаза. Но в этот раз мой след совершенно пропал в Абхазии для непрошенного любопытства; кроме владетеля, никто не знал, куда я девался.

III

В Анухву, лежавшую в горах, против Анакопии, верст пятнадцать от морского берега, мы приехали поздно ночью. Микамбай ожидал нас каждый час, и наши постели были уже приготовлены в кунахской,

как называют дом, назначенный для гостей. Абхазцы, равно как и черкесы, живут обыкновенно в хижинах, крытых соломой или камышом; которых плетневые стены плотно замазаны глиной, перемешанной с рубленой соломой. Весьма немногие знатные и богатые горцы строят рубленые деревянные дома. Микамбай имел такой дом, и по этой причине слыл очень богатым человеком. Дом этот, занятый его семейством, был в два этажа, с окнами, затянутыми пузырем, между которым кое-где проглядывало небольшое стеклышко, добытое от русских. Кроме того, Микамбай пользовался уважением народа еще по другой причине: его меховая шапка была постоянно обвита белою кисейною чалмой, доставлявшей ему вид и титул хаджия, хотя он никогда не бывал в Мекке. На Кавказе нередко горец, задумавший ехать в Мекку поклониться Каабе, надевает чалму, принимает название хаджи и пользуется им иногда всю жизнь, не думая исполнить своего обета; а народ смотрит на него с глубоким уважением, как на избранника веры.

Весь следующий день хаджи Соломон посвятил обсуждению вопросов, касавшихся до нашего путешествия. Горцы не начинают никакого дела, не собрав для совета всех в нем участвующих. Переговоры бывают в этих случаях очень продолжительны, так как старики, излагающие обыкновенно содержание дела, любят говорить много и медленно, и в свою очередь также терпеливо и внимательно выслушивают чужие речи. По черкесским понятиям, опрометчивость и нетерпеливость простительны только детям и женщинам, а мужчина должен обдумывать и обсуждать каждое предприятие зрелым образом, и если есть у него товарищи, то подчинять их своему мнению не силою, а словом и убеждением, так как каждый имеет свою свободную волю. Мне нельзя было уклониться от этого обыкновения, и я провел весь день в переговорах и рассуждениях, выслушивая поочередно мнение всех моих будущих путевых товарищей, знавших, что я русский и еду за горы для свидания с князьями Ловами. Всего нас готовилось в дорогу семь человек — трое верхом: Микамбай, я и Муты Шакрилов, и чет-

веро пеших: Хатхуа, двое слуг Соломоновых да Багры, абазин из Псоу или Псхо, женатый на дочери Хатхуа. Последнего вызвал Микамбай из Псхо, для того чтоб он служил проводником при проезде через места, принадлежащие этому обществу. Мы не могли обойтись без него, так как в горах опасно путешествовать по незнакомым местам, не имея провожатого из того племени, общества или аула, через которые приходится ехать. Такой провожатый служит перед своими отечником за путешествующих и, с другой стороны, обязан защищать их и мстить за них, если им будет нанесена обида. Багры был настоящий горный волк, готовый на все из алчности, подчинявшийся одному инстинкту своей хищной природы но в то же время бессознательно покорный всему, что повелевал вековой обычай. Микамбай и даже сам Хатхуа мало ему верили и не решились бы взять его в товарищи, если бы не знали за ним слабых сторон, позволявших спутать его по рукам и по ногам. Багры очень любил деньги, но еще более денег любил он свою жену: через нее-то надеялись привязать его к нашему делу. За это взялись следующим образом. У черкесов существует давний обычай не воспитывать дома детей знатного происхождения. Вскоре после рождения мальчика отдают обыкновенно на прокомление и воспитание в чужую семью, до тех пор, пока он не подрастет и не научится владеть оружием. Весьма часто выбирают для этого совершенно другое племя. Принявший ребенка на воспитание называется «аталык» и приобретает все права кровного родства с семейством своего питомца. Этот обычай много способствует к примирению и к сближению между собою разноплеменных горских семей и обществ; а дети научаются говорить на чужих наречиях, что для них бывает весьма полезно при существующем на Кавказе разноязычии. Женщины заботятся с особенною нежностью о своих питомцах, которые тем сильнее привязываются к посторонним кормильцам, чем менее знают своих родных матерей. Горцы убеждены, что вред, сделанный аталыком своему питомцу, навлекает неотвратимое несчастье на семейство аталыка, падающее преимущественно на

кормилицу. Кроме аталычества существует еще другой род приемного родства, хранить который обычай повелевает так же свято, как и настоящее аталычество. Если два человека согласились составить между собою союз на жизнь и на смерть, то жена или мать одного из них дает другу мужа или сына коснуться губами три раза своей груди, после чего он считается родственником семьи и пользуется покровительством какое принадлежит действительному питомцу. При этом случае делаются подарки аталыку и кормилице. Жена Багры, пришедшая с мужем погостить в отцовском доме, была налицо, следовательно, дело не представляло больших препятствий. С согласия мужа, Хатхуа породнил меня с нею описанным способом, причем несколько кусков бумажной материи, холста, ножницы и иголки, считавшиеся в Псхо неоцененными редкостями, да кинжал с золотой насечкой запечатали наш союз. Багры, вступив в обязанность аталыка, принадлежал мне вполне. Благодаря его суеверию и привязанности, которую он питал к своей жене, я мог полагаться на него как на самого себя.

Совет, на который мы были созваны, начался торжественною присягой хранить все дело в совершенной тайне, не обманывать и не выдавать друг друга ни в каком случае, даже если б это стоило жизни. Шакрилов и я клялись крестом, абхазцы Кораном, а Багры могилою отца и матери. После того сообразили, какою дорогой нам следовало идти через горы, и постановили условия, на которых Микамбай и его товарищи соглашались служить мне проводниками и защитниками. Дорогу выбрали через Псхо, как потому, что с нами был Багры, так и потому, что на ней менее всего предвиделось для меня опасности быть открытым. Жители Псхо, родом абазины, редко приходят в Абхазию и спускаются на северную сторону гор только для грабежа, не имея другого столкновения с настоящими черкесами; потому между ними и нетрудно было выдать меня за кабардинца. По окончании путешествия, если проводники исполнят добросовестно свое дело, я обязался заплатить: хаджи Соломону триста целковых, Хатхуа пятьдесят, двум крестьянам

Микамбая по двадцати пяти; Багры выпросил у меня оседланную лошадь и двух коров с телятами; Шакрилов желал офицерского чина. Владелец, сделавший, кроме того, подарки Микамбаю, вперед поручился за меня в точном исполнении всего, что стану обещать, следовательно, сомнения тут не могло существовать, и совет заключился решением выехать на другой день, перед рассветом. Вечером наше спокойствие было нарушено неожиданным конским топором возле кунахской. Люди засуетились, Микамбай вышел навстречу гостям и через несколько времени вернулся с тремя чужими горцами. На лице его была заметна скрытая досада: гости приехали, видимо, некстати; но ничего не оставалось, как принять их, а наше путешествие отложить до их отъезда. Приезжих расположили довольно далеко от нас, на другом конце кунахской, которая, к нашему счастью, была очень велика и темна. Микамбай, как водится, сам снял с них оружие и, вместо того чтобы повесить его в кунахской, приказал отнести к себе в дом. Это могло иметь, по черкесским обычаям, двойное значение: или что хозяин берет на себя, из дружбы, всю ответственность за безопасность гостей под его кровлею, или что, не зная их, не очень им доверяет. После того взошел Багры и, увидав приезжих, стал с ними здороваться как с весьма короткими знакомыми. Тогда я понял досаду Микамбая: приезжие были из Псхо. После ужина мы легли спать на тех же местах, где прежде сидели, и провели ночь, как и весь другой день, возле гостей из Псхо, с видом невозмутимого равнодушия, будто не замечали друг друга, и нисколько не заботились о соседях, которых нам Бог послал. Между тем, я уверен, они пересчитали все пряжки на наших ремнях и знали, сколько у нас патронов на груди; да и мы, со своей стороны, старались по их одежде, вооружению и приемам заключить, на что можно было надеяться и чего должно было опасаться. Перед вечером они отправились к морю, объявив, что едут повидаться с родственниками в Абживском округе. Долго мы глядели им вслед и с удовольствием видели, как они удалялись от нас на запад.

Было еще совершенно темно, когда хаджи Соломон поднял нас на ноги, уговаривая скорее сесть на лошадей, чтобы выехать из Анухвы до рассвета. Но и ночь, казалось ему, не довольно еще ручалась за тайну нашего отъезда и избранного нами пути: он повел нас сперва под гору, в совершенно противную сторону, потом обогнул по лесу селение и только к утру вывел нас на нашу настоящую дорогу. Она поднималась круто в гору и была так тесна, что мы должны были ехать один за другим. Впереди шел Хатхуа с Багры, потому что они знали дорогу лучше прочих; за ними ехал хаджи Соломон, потом следовали я и Муты; шествие заключали двое слуг Микамба, тащившие на своих плечах мешки с просом, тулуки с кислым молоком, котел и подгонявшие двух баранов, назначенных для нашего продовольствия до первого селения, лежавшего в трех переходах впереди нас. Багры уже описан мною; но я сказал слишком мало о Хатхуа, нашем главном путеводителе. Ему было более семидесяти лет, из коих большую часть провел он не под кровлею, а в путешествиях и на охоте в горах. Высокий худощавый, закаленный в трудах и опасностях, всегда рассудительный и хладнокровный, стрелок без промаха — этот железный человек не имел в целой Абхазии равного себе охотника, который бы так хорошо знал в горах все тропинки и все скрытые места, представлявшие удобную защиту от врага и от непогоды. Его загорелое морщинистое лицо, казалось, имело самое угрюмое выражение, но, всматриваясь в него поближе, можно было отыскать мягкие черты, позволявшие угадать его настоящий характер. Он был невероятно добродушен. Обыкновенно он молчал; когда его спрашивали, отвечал коротко и отрывисто; но зато находился в беспрестанном движении и делал более других. Его опытность и верный взгляд на все касавшееся горной жизни, знание зверей, за которыми он привык охотиться с детства, имели такое значение, что никто не смел спорить с ним, и сам Микамбай беспрекословно подчинялся его мнению.

Чем выше поднимались мы в гору, тем тщательнее Хатхуа рассматривал дорогу, лес и траву. В одном

месте, где наша дорога сошлась с другою тропинкой, он остановил нас, внимательно рассмотрел каждый куст, прошел несколько сот шагов по боковой дороге и, довольный осмотром, кивнул головой, что значило: ехать дальше. Около полудня он стал опять приглядываться к каменистой почве нашего пути, через который местами протекали небольшие ручьи. Около них земля была несколько размягчена. Возле одного из ручьев он остановился, прильнул к земле и, рассмотрев ее, сказал:

— Недавно лошади прошли!

Осторожный хаджи Соломон встревожился.

— Сколько их было? Куда идет след? — вскрикнул он.

— Дальше узнаем, — ответил Хатхуа, и мы продолжали еще несколько времени нашу дорогу.

Вдруг он опять остановился, указал на дорогу палкой, окованной железом, и сказал несколько слов Микамбаю, который тотчас спешил. Мы последовали за ним и начали осматривать землю, на которой даже я, при всей моей непривычке, разобрал легкие следы конских копыт. Собрались в кружок советоваться. Микамбай заговорил первый, объясняя, что открытые нами следы, обнаруживающие не более трех лошадей, принадлежат, вероятно, гостившим у него медовевцам, — под этим общим названием были известны жители из Псхо, Ачипсоу и Айбоги, — которые кругом обманули нас насчет своих намерений и пробрались объездом на дорогу в Псхо, вместо того чтобы ехать в Абживу, что даром не делают подобных вещей, что тут кроется какая-то измена и что он считает необходимым возвратиться в Анухву. Против этого решения я восстал всеми силами, доказывая, что медовевцы не могли догадаться, кто я, и узнать о нашем намерении ехать через Псхо, если кто-нибудь из наших товарищей не сказал им об этом, чего я не позволяю себе и думать после клятвенного обещания, которым мы обязали себя. Каждый призывал Бога в свидетели своей невинности. Наконец я обратился к Хатхуа, молчавшему, пока другие громко спорили и рассуждали.

— Здесь не большая дорога, по которой ездят каждый день, — отвечал он, указывая на след, — три лошади ночевали в Анухве; эти три лошади прошли обратно в Псхо; люди тебя видели: нехорошо!

— Что ж это доказывает? На лице моем не написано что я русский: они должны были принять меня за кабардинца.

— Для человека из Псхо все равно, что русский, что кабардинец; спроси Багры, можно ли верить его вчерашним знакомым?

Багры покачал отрицательно головой.

Я заметил, что меня удивляет отсутствие по дороге тех следов, которые лошади оставляют обыкновенно за собою.

— Тем хуже! Значит, они заматали след за собою, как заматает его лисица хвостом. В горах дороги тесны, нас только семеро, а в Псхо разбойников много; я говорю: не следует идти в Псхо.

Все присоединились к мнению Хатхуа. Я сам находил его отчасти справедливым, но никак не хотел отказаться от мысли продолжать наше путешествие. Я опять обратился к Хатхуа и настоятельно требовал от него указать другую дорогу, между Псхо и Цебельдою, если нам нельзя идти по этой. Я прибавил, что над нами станут смеяться, когда узнают, как мы собрались в дорогу за горы, выехали и бежали назад, увидав, что не одни мы такие храбрецы, которые ходят в горы без няньки. Продолжая насмехаться над моими товарищами, возбудил их самолюбие. Хатхуа, наморщившись, объявил, что он знает другую дорогу и согласен вести нас по ней, но предупреждает, что она трудна, продолжительна, неудобопроходима для лошадей и пролегает по совершенно безлюдным местам. На замечание Микамбая, что у нас недостает съестных припасов для такой дороги, Хатхуа возразил, что с ружьем нечего бояться умереть с голоду там, где есть козы, туры и адомбеи. Абхазцы зовут адомбеем зубра, который водится на северной покатости Кавказа, в глубоких ущельях, около источников Урупа и Большого и Малого Зеленчугов. Микамбай не смел более отговариваться; дело было решено, и все согласились ид-

ти по дороге, которую станет указывать Хатхуа. Весь первый день мы провели на безводном гребне, не имея капли воды, чтобы напиться в палящий жар. Два абхазца, которым была поручена провизия, отстали от нас в лесу; невзирая на крики и ружейные выстрелы, мы не могли их дозваться. Во всяком случае, их надо было отыскать, и это дело мы поручили Багры, который должен был идти потом по нашему следу и по знакам, оставленным Хатхуа на деревьях. Измученные трудным переходом и жаждою, мы остановились перед сумерками для ночлега. Часа через два голос Багры известил нас, что он близок, и скоро явились к нашему огню он, слуги Микамбая, бараны и молоко. Оказалось, что абхазцы потеряли нас из виду, гонясь за баранами, упущенными на дороге в каком-то трудном месте. Перед сном Микамбай распределил очереди ночного караула, без которого можно было, пожалуй, обойтись, так как Хатхуа имел привычку спать только одним глазом. Во время наших ночных бивуаков я имел часто случай видеть, как при самом легком шорохе в кустах Хатхуа, не подымая головы, уже глядел в ту сторону, откуда слышался звук, и рука его машинально ложилась на приклад ружья.

На другой день наша дорога все еще шла по густому лиственному лесу, состоявшему преимущественно из дуба, карагача, клена, чинара и чиндара. Полоса богатая каштановыми и ореховыми деревьями, лежала уже ниже нас. Подъемы становились круче, ущелья суживались заметным образом. Этот переход обошелся совершенно без приключений; погода была прекрасная, и мы пользовались ею, чтоб уйти как можно дальше. Бедность наших съестных припасов, рассчитанных сначала только на три перехода, заставляла нас спешить.

Четвертый и пятый день мы переходили по скалам из долины Гумисты к началу Чаголты, впадающей в Кодор. Поворотив от начала Чаголты круто налево, к источнику Бзыба, мы только на седьмой день подошли к главному перевалу, покрытому вечным снегом. Жаркое солнце палило наши головы, между тем как ноги не выходили из снега и из холодной воды. Над-

винув на глаза мохнатые бараньи шапки и намазав веки пороховым раствором, для того чтобы не ослепнуть от солнечных лучей, ярко отражаемых блестящею снежною пеленой, покрывавшею все видимое пространство, босоногие, потому что наша размокшая обувь не держалась более на ногах, мы подвигались медленным шагом, проваливаясь беспрестанно в снег. Неудивительно, если мы утомлялись более чем следует. Наши силы заметно упадали от недостатка пищи. Накануне мы съели последний кусок баранины; молока давно уже не было; оставалось в запасе несколько проса, которое Микамбай берег на крайний случай, выдавая скупой рукой каждый вечер не более одной горсти на человека. Багры и Хатхуа уходили от нас беспрестанно в сторону искать дичи, но, к несчастью, не находили ее.

Перед главным снеговым хребтом мы переночевали в котловине, окруженной со всех сторон высокими скалами, покрытой пушистою травой и загороженной от завалов густым сосновым лесом. Хатхуа говорил, что кроме него разве только еще один или два абазинских охотника знают об этом уголке и в состоянии отыскать к нему дорогу. Несколько дней перед нашим приездом на горах выпал в большом количестве свежий снег, не позволявший вести лошадей через перевал. Ждать, пока он осядет от солнца, не зная, чем мы будем кормиться завтрашний день, казалось совершенно безрассудным, и мы решились поэтому продолжать наше путешествие без лошадей, покинув их на месте нашего последнего ночлега и там же зарыв седла. На возвратном пути Микамбай должен был отвести лошадей в Абхазию.

Выбравшись из нашей котловины до восхода солнца, мы стали подыматься на гору по снежной крутизне, перегораживавшей нам путь, подобно неизмеримо высокой стене, без следа дороги и без уступа для отдыха. Абхазцы, вооруженные своими длинными дорожными палками, окованными железом с обоих концов, шли впереди и испытывали снег, под которым нередко кроются расселины, куда можно провалиться безвозвратно. Таким образом мы поднимались не

менее пяти часов, медленно ступая и не возвышая голоса, для того чтобы не вызвать снежного обвала, местами грозно висевшего над нашими головами, пока не достигли гладкой снеговой равнины, шириной около пятисот сажен, с которой открывался вид на обе стороны гор. Погода была прекрасная, на небе ни облака, в воздухе ни ветерка, тишина повсюду, и близь и даль облиты ярким светом. Вид, в одно время на Черное море и на степи кавказской линии, с высоты верных одиннадцати тысяч футов над поверхностью моря был поразителен своим величием.

Солнце перешло уже за полдень, когда мы подошли к северному спуску. На краю его стояла непокрытая снегом гранитная скала, очень похожая по своему виду на высокий жертвенник. К ее вершине, составлявшей площадь около трех саженей в квадрате, вели ступени, высеченные в граните. Посреди площадки находилось круглое углубление в виде котла. Мои абхазцы поднялись на нее, и каждый из них положил в углубление какую-нибудь вещь: ножик, огниво или пулю. И меня заставили принести в жертву несколько мелких монет, для того чтоб умиловить горного духа, — иначе, говорили мои проводники, он зароет нас под снегом, когда мы станем спускаться, или не пошлет нам дичи, или отдаст нас в руки наших врагов.

Нам следовало спуститься в ущелье Зеленчуга, но я не видел дороги. Перед моими глазами открывалась одна бесконечная снежная крутизна, белая, ровная, гладкая, на которой, казалось, негде было удержаться ноге. Я остановился над нею и решительно не знал, как мне начать дело. Хатхуа, видя мое недоумение, схватил меня за руку и увлек за собою, крикнув только: «Делай, как я!» Откинув тело назад и смело пробивая пятками тонкую ледяную кору, покрывавшую мягкий снег, мы помчались под гору так скоро, что снежные глыбы, оторванные нашим бегом, не успевали катиться за нами. В несколько минут мы сбежали с высоты, на которую пришлось бы подыматься несколько часов. Спустившись с вершины главного перевала, мы пошли сначала по обширной снежной долине, потом еще раз сбежали под гору и стали при-

ближаться к высокому сосновому лесу, около которого кончался снег. Хатхуа ушел от нас, после первого спуска, искать адомбеев или туров. Его прежние бесполезные поиски не подавали нам, правду сказать, большой надежды на настоящую удачу, и мы находились в весьма дурном расположении духа.

Мы переходили через реку, по колено в воде, как вдруг недалеко от нас в лесу раздался выстрел, и эхо повторило его в горах громкими перекатами. Все встретились. «Это заговорило ружье Хатхуа! — крикнул хаджи Соломон. — Он порошу даром не теряет! Один выстрел, значит, зверь; если будут еще, значит, он столкнулся с неприятелем». Наше недоумение длилось недолго. Через несколько минут мы услышали в лесу быстро приближающийся топот, смешанный с треском дерев, ломаемых какою-то непреодолимою силой. Вслед затем выбежало перед нами, в расстоянии хорошего выстрела, встревоженное стадо адомбеев; впереди неся бык огромной величины. Ружья блеснули мгновенно из чехлов, выстрелы загremели, и бык, в которого мы все приложились, как по уговору, сделал высокий прыжок и поворотил в противную сторону. Все стадо, в котором находилось до двадцати коров и телят, ушло за быком. Молча расположились мы спать. Некоторые поглядывали было на мешочек с остатком проса, который хаджи Соломон привесил к своему собственному поясу; но он объявил решительно, что не позволит коснуться его прежде минуты действительного голода, а до тех пор станет его защищать против каждого, если бы понадобилось, даже с пистолетом в руках. Долго лежал я без сна, не имея еще привычки переносить голод, как выучился впоследствии; наконец усталость взяла верх, и я стал забываться; но мне не было суждено отдохнуть в эту ночь. Микамбай тихонько всех разбудил и приказал залить огонь. Перед нами стоял неутомимый Хатхуа и повел нас с обыкновенным своим молчанием в ту сторону, куда прежде ходил один. Хатхуа нашел, невзирая на темную ночь, след адомбеев, по которому они имели привычку ходить к водопою. С раннею зарей мы заметили на горе несколько темных подвижных точек, которые мед-

ленно спускались к воде. Перед стадом двигался, понулив голову, бык огромной величины. Когда он подошел к реке и готовился уже пить, мы спустили курки почти в одно время, и семь пуль попало ему разом в грудь и в голову. Адомбей зашатался и с глухим ревом упал на землю. Можно себе представить, с какою радостью бросились мы к убитому животному, в котором нетрудно было узнать нашего вчерашнего адомбея. Кроме семи пуль, попавших в него спереди, мы нашли в нем еще четыре раны навывлет от вечерней стрельбы, не помешавших гигантскому зверю продержаться на ногах до утра, несмотря на весьма значительную потерю крови.

Мы устроили бивуак на самом месте охоты. Абхазцы поспешно развели огонь и принялись снимать шкуру и резать адомбея на части. В полчаса сварили остаток проса и зажарили на углях часть огромной печени. Насытившись, мои абхазцы совершенно переродились, повеселели и снова почувствовали себя способными на всякое дело, сколько бы оно ни было трудно и опасно. Мяса мы имели надолго, недостаток проса и соли нас не тревожил, потому что и без них можно было прожить, не опасаясь умереть с голоду; следовательно, необходимость спешить без оглядки к башилбаевским аулам исчезла. Вспомни о лошадях, брошенных за горой на произвол судьбы, и стали о них жалеть. Я сделал предложение остановиться на Зеленчуге и попытаться перевести наших лошадей через снег. Обещав подарить по пяти червонцев на человека, мне, с помощью хаджи Соломона, было нетрудно уговорить Багры, Хатхуа и двух крестьян Микамбаю перейти за лошадьми еще раз через гору. На третьи сутки привели наших лошадей до того измученных, что они едва держались на ногах. И людям и животным отдых был необходим. Поэтому мы пробыли на Зеленчуге еще один день и отправились потом в дорогу не без порядочного запаса вареной и жареной говядины. Я желал сберечь шкуру адомбея с его головой и копытами и привести их на линию, в доказательство того, что зубры существуют не в одной Литве, а водятся еще на Кавказе, чему не хотели ве-

ритель, слыша об этом от горцев. Между русскими я был первый, имевший случай видеть кавказского зубра и затем охотиться. Его огромный рост, темно-коричневый цвет, чисто бычачья голова, мохнатая, как и грудь, и гладкая задняя часть не допускали никакого сомнения, что он одной породы с животным, сберегаемым в лесах Беловежской пуши. Мои абхазцы не хотели и слышать о провозе на линию цельной шкуры, говоря, что ни одна из наших лошадей не имеет силы протаскать ее даже один день, и мы будем принуждены бросить на дороге со шкурой и лошадью. Поневоле я должен был покориться такому весьма практическому заключению моих проводников и не без досады видел, как стали выкраивать ремни из прекрасной шкуры, под которую мы все семеро находили место во время нашей стоянки на берегу Зеленчуга. Еще на южной стороне гор собрал я в ущельях Гумисты и Бзыба большое число камней разных пород, между прочим и кварцы со следами золотой руды, и наполнил ими саквы, висевшие у меня за седлом. Саквы были спрятаны вместе с седлом там, где мы оставили наших лошадей. Когда их привели на Зеленчуг, дорожные мешки оказались пустыми, невзирая на мою просьбу ничего в них не трогать. «Где мои камни?» — спросил я абхазцев. «Где? В снегу на горе, — ответил один из них. — Лошади стало тяжело, и я выбросил их: а если ты любишь так таскать с собою камни, так в Зеленчуге их очень много, пожалуй, я наберу!» После этого нечего было и говорить. Во время дороги я был принужден записывать и делать мои пометки скрытно от проводников, зная, сколько они ненавидят всякое письмо и как боятся его, считая его дьявольским искусством. Заметив, что я составляю записки, они, в случае какого-нибудь несчастья, не замедлили бы приписать его грешным знакам, чертимым мною на бумаге, и нельзя предсказать, до чего бы могла их довести в подобном случае суеверная злоба.

От Зеленчуга мы перешли на Кяфир через высокий скалистый гребень, на котором стояли развалины церкви, вероятно грузинской, постройки времен царицы Тамары. Спустившись вниз по Кяфиру, мы вышли из

тесного ущелья, по которому он протекает в своем верховье, и вступили на холмистую местность, покрытую небольшими перелесками и высокою сочною травой, в которой конный человек скрывался до головы. Нам следовало с Кяфира поворотить на запад, обогнуть самые крутые контрфорсы главного хребта и потом подняться на юг, вверх по Уруп, на котором жили в то время башилбаевцы, недалеко от его верховья. Чем более удалялись мы от высоких гор, тем осторожнее становились мои абхазцы.

На пятый день, повернув опять к горам, мы сделали огромный переход вверх по Уруп, перед вечером вошли в дремучий лес и поздно ночью остановились на небольшой поляне, которую загораживала с одной стороны высокая отвесная скала. Далее этого места ни хаджи Соломон, ни его абхазцы не смели идти, жалея свои головы. Верстах в пяти отсюда лежало селение Мамат-Кирея Сид-ипы, из рода Маршаниев, приятеля Микамбая. Башилбаевцы принадлежали к числу девяти небольших абазинских обществ, занимавших северо-восточную покатость гор, между реками Урупом и Сагуашею. Язык и господствующие у них фамилии доказывали их абазинское происхождение.

Микамбай послал Хатхуа в ту же ночь уведомить о своем прибытии Мамат-Кирея Сидова, как его называли русские, вместо Сид-ипы, и забрать у него съестных припасов. Хаджи Соломону и мне самому было желательно повидаться с Сидовым как можно скорее, для того чтоб узнать от него, каким способом могу я проехать далее к братьям Ловам. Хатхуа вернулся перед утром вместе с доверенным слугою Сидова, принесшим корзину, полную разных припасов, и пригнавшим двух баранов от имени жены своего господина, который находился в отлучке. За несколько дней до нашего прихода не только он, но и все другие абазинские и кабардинские старшины, а между ними и братья Ловы, уехали для совещания на русскую сторону в Железноводск к начальнику кубанского кордона. Башилбаевцы покорились русским за полгода перед тем, а Ловы, как мне рассказал башилбаевец, стали

ездить на линию несколько недель тому назад; значит, они также были приняты в число русских подданных. Это известие меня несколько не обрадовало. С той минуты, что они гласно передались русским, Ловы не могли более мне быть полезными для моего путешествия к морскому берегу. Кроме того, их отсутствие, равно как отлучка Сидова и других абазинских старшин, с которыми хаджи Соломон имел связи, ставили меня и моих абхазцев в весьма неприятное положение. Охранное письмо князя Михаила на имя хаджи Джансеида несколько не успокаивало старого Микамбая. Покоряясь злой необходимости, он просил башилбаевца передать жене Сидова, чтоб она не медлила ни одного часа с отправлением гонца за своим мужем, которому я обещал сверх того, от себя хорошую награду, если он скоро доставит мое письмо генералу***, никому об этом не говоря. В записке, писанной по-немецки, для того чтоб ее ни в каком случае не могли прочесть черкесы, между которыми находились люди, знакомые с русской грамотой, я объяснил в коротких словах мое положение и просил как можно скорее прислать ко мне одного из Ловов для устройства моего проезда с Урупа на линию. Покончив это дело, мы принялись устраивать для себя безопасную стоянку на довольно долгое время, причем оказалось, что хаджи Соломон был весьма предусмотрительный человек. Место, куда он нас привел, лежало в такой глуши, что один только несчастный случай или измена могли навести на него наших врагов. Лучше этой самою природой устроенной крепости нельзя было придумать для небольшого гарнизона. В пещеру втащили седла, провизию, двух живых баранов, кроме битой говядины, дров и воды в дорожных тулуках.

На девятый день башилбаевец, доставлявший нам пищу, принес весьма приятное извещение, что его господин вернулся и с ним приехали Ловы и другие абазинские старшины, для того чтобы меня проводить на линию по приказанию генерала***. Сидов просил хаджи Соломона выехать со мною на половину дороги к его аулу. Сначала я не мог понять причину, побу-

ждавшую Сидова сделать мне гласную встречу, которой совершенно не желал и которая могла только вредить моим планам. Письмо генерала***, переданное мне, когда я прибыл на свидание, объяснило мне это дело. Не зная ни причины, ни цели моего путешествия из Абхазии на линию, генерал*** чрезвычайно удивился моему неожиданному появлению на Урупе. Понимая опасность, которой я подвергался в этом месте, как русский, находящийся притом в товариществе с абхазцами, он на первых порах думал было собрать летучий отряд и идти с ним выручать меня. Но потом он рассчитал, что на это было необходимо слишком много времени и что такой редкий случай, как мой приезд, мог быть с пользой употреблен для того, чтобы принудить вновь башилбаевцев и кабардинцев, переселенных им на Уруп, дать гласное доказательство своей покорности, а это могло бы поссорить их с неприязненными нам черкесами, с которыми они продолжали иметь тайные связи. Поэтому генерал*** приказал собранным около него в Железноводске Сидову, Ловам и кабардинскому князю Исмаилу Касаеву отправиться немедленно домой и обеспечить мой проезд с Урупа на Кубань, возложив на них полную ответственность за мою безопасность. Все распоряжения он делал гласно, не полагая, чтоб решился на новое путешествие в горах. Этот оборот дела налагал на Мамат-Кирея Сидова обязанность принять меня не как неизвестного путешественника, а как русского офицера, посещающего его дом, чего еще никогда не бывало.

Правила вежливости, соблюдаемые черкесом, когда он принимает гостя, так ярко обрисовывают его гостеприимный быт, что я не могу упустить случай рассказать о приеме, сделанном мне Сидовым. Надо начать с того, что в глазах горца нет такой услуги, которая могла бы унижить хозяина перед гостем, сколько бы ни было велико расстояние их общественного положения. Звание тут не принимается в расчет, и только самые малые оттенки означают разницу в приеме более редкого или почтенного гостя. Я принадлежал в этот раз к числу не только редких, но и совершенно небывалых гостей. Перед дверьми кунахской

Сидов соскочил с лошади, для того чтобы держать мое стремя, потом снял ружье и провел меня на место, обложенное для меня коврами и подушками, в почетном углу комнаты. Усевшись, мне следовало промолчать несколько мгновений и потом осведомиться о здоровье хозяина и Ловов, которых со мною познакомили. У горцев считается неприличным для гостя расспрашивать о жене и детях. От моего приглашения садиться все, как водится, отказались на первый раз. Скоро подали умыть руки, и вслед за умыванием был принесен ряд низеньких круглых столов, наполненных кушаньем. Я пригласил вторично Сидова и Ловов сесть со мною за стол. Хозяин решительно отказался в знак уважения ко мне и все время простоял в кунахской, не принимая участия в обеде; Ловы, будучи сами гостями, сели около стола. Обед состоял из вареной баранины, говяжьего отвара, разных яичниц, молока десяти различных приготовлений, вареных кур с подливкою из красного перца, жареной баранины с медом, рассыпного проса со сметаною, буйвольего каймака и сладких пирожков. Черкесы пьют только воду, брагу или кумыс, так как вино им запрещено Кораном. По правилам черкесской вежливости, никто не касается до кушанья прежде старшего гостя, и когда он кончил, все сидящие с ним за одним столом также перестают есть, а стол передают второстепенным посетителям, от которых он переходит дальше, пока его не очистят совершенно, потому что горец не сберегает на другой раз что было однажды приготовлено и подано. Чего не съедят гости, выносятся из кунахской и отдается на дворе детям или невольникам, сбегавшимся на каждое угощение. Место имеет большое значение в черкесском приеме. Для того чтобы дать мне первое место и в то же время не обидеть старика хаджи Соломона, гостя из дальней стороны, которому лета давали преимущество надо мною, его поместили в другой кунахской и угощали особенно. Лета ставятся у горцев в общежитии выше звания. Молодой человек самого высокого происхождения обязан встать перед каждым стариком, не спрашивая его имени, уступать ему место, не садиться без его поз-

воления, молчать перед ним, коротко и почтительно отвечать на его вопросы. Каждая услуга, оказанная седине, ставится молодому человеку в честь. Даже старый невольник не совсем исключен из этого правила. Хаджи Соломон вернулся в тот же вечер в лес и ушел со своими людьми в Абхазию. Из старых проводников остался при мне один Шакрилов, от которого мне было мало пользы. Все смотрели на него как-то недоброжелательно и не обижали его только потому, что он имел поручение к хаджи Джансеиду и находился под моим покровительством. Меня же самого оберегала хотя и дальняя, но весьма положительная сила русского штыка.

Между моими новыми знакомыми я мог совершенно надеяться на Сидова и на Ловов. Сидов властвовал над башилбаевским обществом в две тысячи душ мужского пола. В тридцать пятом году, когда я приехал на Уруп, он находился в числе покорных нам горских владельцев, принимал меня гласно в своем доме и, я уверен, не пощадил бы своей жизни для моей защиты. Несколько лет спустя он заставил много говорить о себе, захватив с шайкою в двенадцать человек, на дороге между Пятигорском и Георгиевском, жену полковника Махина, которая прожила у него в плену более восьми месяцев, пока ее не выкупили за дорогие деньги. Подобные переходы от более или менее шаткой покорности к открытой вражде принадлежали в то время к самым обыкновенным явлениям на Кавказе. Братья Ловы были приняты в число покорных, с преданием забвению всех прежних преступлений, недели за две до моего приезда. Это обстоятельство отняло у меня всю надежду через них достигнуть моей цели, и я должен был думать о других способах. Слух о том, что они покорились, или, как горцы имели обыкновение выражаться, — познакомились с русскими, и перешли жить в свой родовой аул на Куме, разнесся везде, и этого было достаточно, чтобы возбудить против них величайшее недоверие между неприязненными черкесами, у которых они после этого не смели показываться. Несмотря на их бесполезность для моих будущих планов, я не мог не обратить внимания на мла-

дшего брата, Мамат-Кирея. Двадцати лет, красавец в полном смысле слова, каких даже немного у черкесов, ловкий и смелый, он с первых минут нашего знакомства мне чрезвычайно понравился и внушил мне желание привязать его к себе. Свою первую молодость он провел между русскими и выучился в георгиевской гимназии правильно говорить, читать и писать по-русски, чем я воспользовался, для того чтобы просить его быть моим переводчиком до приезда на Кубань. Тогда мне не приходило на ум, что судьба свяжет нас когда-нибудь еще теснее, положив на одни весы его жизнь и мою судьбу, как это случилось годом позже в абхазских лесах, когда кабардинцы захватили меня в плен, а его спас от смерти только неожиданный случай.

Прогостив три дня у Сидова, я отправился на линию. Человек сто абазин, Сидовых и Лововых узденей, под предводительством своих князей проводили меня до большого Течения, на берегу которого кабардинский князь Касаев начинал тогда строить для себя дома. Он принял меня в шалаше, убранном коврами, за неимением другой кунахской. Касаев принадлежал к одной из первых княжеских фамилий в Кабарде и был очень богат, невзирая на потери, сделанные им в двадцать первом году, когда он бежал за Кубань. В тридцать пятом году он передался опять на сторону русских и должен был поселиться около Урупа, потому что со времен Ермолова существовало правило не допускать в Кабарду бежавших князей, которые были для нас гораздо вреднее и опаснее простого народа, легко смирившегося, когда они перестали тяготеть над ним. Касаев меня угостил еще с большею пышностью, чем Сидов. У него в доме господствовала старинная турецкая роскошь, обнаружившаяся во множестве серебряной посуды, золоченных чаш для кумыса, ковров, парчовых тюфяков, бархатных одеял и тому подобных вещей. Сам Касаев, хромым, с лицом, выражавшим его монгольское происхождение, считался одним из первых молодцов и стрелком, привыкшим бить с седла коз и оленей. Открытое помещение и множество гостивших у него людей, между которыми, я

полагаю, были и неприязненные черкесы, заставили его принять для меня особые осторожности. Касаев лег спать с нами в шалаше и, когда все заснуло, с помощью Мамат-Кирея Лова переместил мою постель на другой конец шалаша, сказав, что хотя опасности нет, а все-таки лучше быть осторожным и не верить никому, потому что мысль человека не написана у него на лице, а слова всегда лгут. По углам нашего помещения всю ночь караулили касеевские уздени, вооруженные двуствольными ружьями. Касаев проводил меня до Кубани, через которую я переправился против Баталпашинской казачьей станицы. Оттуда я приехал на кавказские минеральные воды, прогостив короткое время в Тохматыше у генерала султан-Азамат-Гирея потомка крымских ханов, и на Куме у моего приятеля Лова. Этим кончилось мое путешествие.

ФЕОДОР ТОРНАУ

Кавказтәи афицар игәалашәарақәа.

Редактор Т. Алексеева.

Тех. редактор Л. Евменов.

Формат — 84x108 1/32. Тираж. 500. Физ. печ. л. — 2,06.
Усл. п. л. — 1,29. Уч.-изд. л. — 3,33. Заказ № 885.
Цена договорная.

Издательско-полиграфическое объединение
Республики Абхазия, г. Сухум, ул. Эшба, 168

